

Удмурт кун университет
Удмуртский государственный университет

Огъя но финн-угор кылтодонъя
к а ф е д р а
общего и финно-угорского языкознания

Азыпечатлос сузьет 12 Серия препринтов

В. К. Кельмаков

БЕЛАЯ КАМА ВПРЯМЬ ЛИ БЕЛАЯ?

**Ижевск
2019**

Министерство науки и высшего образования РФ
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт удмуртской филологии, финно-угроведения
и журналистики
Кафедра общего и финно-угорского языкознания

В. К. Кельмаков

БЕЛАЯ КАМА ВПРЯМЬ ЛИ БЕЛАЯ?

(Удмуртские названия реки Камы
в письменных источниках)

Препринт

Ижевск
2019

УДК 811.511.131'373.215
ББК 81.664.1-316
К345

Редактор:

Л. М. Ившин, кандидат филологических наук,
научный сотрудник Удмуртского ИИЯЛ УФИЦ РФ

Рецензент:

Л. Л. Карпова, доктор филологических наук,
старший научный сотрудник Удмуртского ИИЯЛ УФИЦ РФ

**Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ
научного проекта № 19-012-00267**

Кельмаков В. К.

К345

Белая Кама впрямь ли белая? (Удмуртские названия реки Камы в письменных источниках): Препринт. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019. – 104 с.

ISBN 978-5-4312-0741-9

Будзин Кам ('великая река') – так называли древние удмурты реку Каму, протекающую по исторической территории своего проживания; *Тодьы Кам* 'Белая Кама' (в переводе Б. Гаврилова: 'Бѣлый Камь') – так ласково звучит в устной речи, народной поэзии и художественной литературе удмуртов одно из шести ее наименований.

В предлагаемой вниманию читателей работе на большом фактическом материале рассмотрено происхождение и (преимущественно) употребление гидронима *Кам(а)* и его синонимов в различных письменных источниках на удмуртском языке.

Предназначается для научных работников в области удмуртского и финно-угорского языкознания, фольклористики и литературоведения; преподавателей и студентов гуманитарных вузов Удмуртской Республики; учителей и учащихся школ республики и за ее пределами, а также для всех тех, кто интересуется духовной культурой удмуртского народа и ее историей.

ISBN 978-5-4312-0741-9

УДК 811.511.131'373.215
ББК 81.664.1-316

© В. К. Кельмаков (текст и компьютерный набор), 2019

© А. В. Кельмаков (компьютерный макет-оригинал), 2019

© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

0. ОТ АВТОРА	5
ТӖӢЫ КАМ ('БӖӢый Камь')	7
1. Река Кама – одна из самых больших рек...	8
2. Названия крупных природных объектов...	9
3. В арсенале науки ономастики имеется...	12
4. Само же нарицательное имя существительное <i>кам</i> ...	19
5. Хотя зафиксированное в источниках XVIII века...	20
5.1. Некоторые лексикографические труды...	–
5.2. Ранние переводы...	21
5.3. Особенно отчетливо первичное...	25
5.4. Что касается фольклорных произведений...	28
5.4.1. С одной стороны, в песнях...	–
5.4.2. С другой стороны, в поэтических текстах...	30
6. В качестве собственного наименования реки...	31
6.1. Гидроним <i>Кам</i> – исконно удмуртское...	–
6.2. Название <i>Кам шур</i> представляет собой...	36
6.3. <i>Кама</i> – это русифицированное название...	38
6.4. <i>Кама шур</i> 'река Кама'...	40
6.5. <i>ТӖӢы Кам</i> 'бӖӢый Камь'...	–
6.6. <i>ТӖӢы Кама</i> 'Белая Кама'...	43
7. Еще раз хотелось бы акцентировать внимание...	–
8.1. В гидрониме <i>ТӖӢы Кам</i> слово <i>тӖӢы</i> ...	46
8.2. В зависимости от места и времени записи...	51
8.2.1. Так, к примеру, Б. Гаврилов...	–
8.2.2. В записях фольклорных текстов Ю. Вихманна...	52
8.2.3. В публикациях четверостиший Б. Мункачи...	53

8.2.4. В нескольких песнях, опубликованных Р. Лахом...	55
8.2.5. В исследованиях И. М. Нуриевой...	56
8.3. Особый интерес представляют такие случаи...	58
8.4. В таком семантическом многообразии...	61
9. Употребление удмуртских вариантов гидронима...	62
9.1. В частушках алнашских удмуртов...	–
9.2. Песни граховских удмуртов...	68
9.3. Из 137 песен Киясовского района УР...	71
9.4. В сборник малопургинских песен...	73
9.5. Положение о крайне низкой частотности...	75
10. Как уже замечено, частотность употребления...	77
11. О заметной интеграции слова <i>кам</i> ...	–
11.1. Рассматриваемое слово <i>кам/Кам</i> представлено...	78
11.2. Слово <i>кам/Кам</i> в сочетании с иными корнями...	80
11.3. Если в создании фразеологических конструкций...	81
12. В произведениях удмуртских писателей...	–
13. Вместо заключения	83
14. Некоторые специфичные буквы практического письма...	85
14.1. Удмуртский язык	–
14.1.1. Отдельные памятники...	–
14.1.2. Буквы и символы в транскрипции...	86
14.1.3.1. В публикациях Б. Мункачи...	–
14.1.3.2. В публикации Т. Г. Аминоффа...	87
14.1.3.3. В публикациях Ю. Вихманна...	–
14.1.3.4. В публикациях Ф. Й. Видеманна...	88
14.1.3.5. В публикации Р. Лаха...	–
14.2. В других языках и финно-угорских реконструкциях...	–
15. УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	90
16. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	91

0. ОТ АВТОРА

Данная работа посвящена не природно-географической характеристике этой великой реки, не хозяйственной ее роли в этногенезе и экономике народов северо-восточной окраины Европейской части Российской Федерации в историческом прошлом и настоящем, и даже не столько этимологии ее названий в удмуртском языке (об этом будет упомянуто лишь вскользь, попутно), сколько поэтическому образу ее, запечатленному в историко-филологических документах, составленных на удмуртском языке или на русском, но посвященных удмуртам, их этнографии, духовной культуре и языку: рукописных и опубликованных лексикографических трудах, переводных и оригинальных памятниках удмуртской письменности, в рукописных и печатных собраниях фольклорных текстов, поэтических и прозаических произведениях удмуртской литературы, начиная с XVIII века (более ранних материалов вышеперечисленного рода у нас, к сожалению, нет) до наших дней.

Кам 'Кама', Тӱы Кам ~ Тӱдӱы Кам 'Бѣлый Камъ' под такими удмуртскими и русскими названиями впервые (в историко-этнографических трудах, разумеется, несколько раньше) появилась эта река в шести удмуртских народных четверостишиях, опубликованных Б. Гавриловым в его фольклорно-этнографической книге «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» [Гавриловъ 1880]; в фольклорных же сборниках, изданных позднее как зарубежными, так и отечественными исследователями, в произведениях художественной литературы добавился еще ряд иных названий.

Фольклорные произведения или их фрагменты, отрывки переводных текстов, приводимые в данной работе, имеют точную паспортизацию (т. е. указание на источники и их страницы). Перевод (отнюдь не художественный!) на русский язык отрывков многих удмуртских текстов, если в других источниках его нет или не удалось пока найти, принадлежит автору данного исследования (разумеется, без указания авторства); переводы, взятые из работ иных исследователей (к примеру, из книг Б. Гаврилова, Н. Первухина и др.), даны в авторском же варианте. Автор данной работы считает целесообразным иногда приводить переводы и толкования удмуртских текстов, их фрагментов или выражений, извлеченных из них, и на других языках: венгерском, немецком, финском

(B. Munkácsi, Y. Wichmann, R. Lach, D. R. Fokos-Fuchs, T. G. Aminoff), но с неперменным условием – приложить к ним перевод их и на русский язык.

Считаю своим долгом предупредить читателя о следующем:

во-первых, в книге обильно представлены короткие песни, пространственные цитаты из ранних и современных записей произведений удмуртского фольклора и переводных текстов – это сделано не только ради полноты иллюстрации примерами определенных положений автора, но и с той целью, чтобы современный читатель, хотя бы по подобным изданиям, мог получить определенное представление о графо-орфографических и языковых особенностях мало- или совершенно не доступных ранних (и некоторых поздних) памятников удмуртской письменности;

во-вторых, цитируемые здесь фольклорные и переводные конфессиональные тексты или фрагменты из духовных и светских изданий в полной мере сохраняют не только языковые, но и графические и пунктуационные особенности источников, вплоть до ошибок авторов книг или их издателей, даже если они и вступают в противоречие с современными нормами удмуртского и русского литературных языков и правилами их орфографии и пунктуации;

в-третьих, автору нередко приходилось акцентировать внимание на тех крайне досадных просчетах и ляпсусах, которые “вольны или невольны” были допущены при “редактировании” (попросту говоря, порче) многих ранее опубликованных народных песен для переиздания их преимущественно в двух книгах: «Удмурт калык кырзан’ёс (ныльчур’ёс)» (Ижевск, 1936) и «Кырзалэ, кырзась эшъёсы!» (Ижевск, 2015), составители и издатели которых, по всей вероятности, не имели (не имеют) никакого представления об элементарных требованиях текстологии;

в-четвертых, исследование ни в коей мере не претендует на полноту охвата фольклорного и иного рода текстового материала, в котором имеются упоминания различных вариантов наименования реки Камы.

Я сердечно благодарю всех тех, кто в той или иной форме морально и/или действительно вспомоществовал созданию и изданию данной работы, и заранее тех, кто не пожалеет своего времени на чтение ее.

ТӖЛЫ КАМ ('Бѣлый Камъ')

“Образ Камы в удмуртском фольклоре служит символом величия и чистоты, он воспевается в многочисленных песнях, легендах и преданиях, загадках, пословицах и поговорках, в языческих молитвах” [Атаманов 1988: 139; 1997: 216; Атаманов-Эграпи 2015: 352].

В предисловии к книге «Побратимы: Произведения писателей автономных республик Урала и Поволжья» (1988) удмуртский литературовед и поэт В. М. Ванюшев, размышляя об общих характерных особенностях литератур народов рассматриваемого региона, писал: “Эти черты проявляются и в исторической практике народов, отражающейся в литературе как память поколений, и в реалиях быта, укладе жизни, манере образного мышления, рожденных не только историей, но и географией этих национальных культур. Недаром Урал, Волга, Кама, Белая, Сура и другие гидронимы и топонимы так часто и по-разному осмысливаются в произведениях писателей этих народов” [Ванюшев 1988: 5].

И впрямь, каждый народ прославляет ту реку, с которой связано не только его происхождение и историческое прошлое, но нередко также и современная жизнь. Ведь недаром же:

*«Волга, Волга...» – гурла быдӟым Русь,
Египет кырӟа Нил сярысь,
Индусьёс ушъяло Гангазэс,
Удмуртлы нош дуно Тӧдды Кам.*

*’Поют на Руси о Волге,
В Египте поют о Ниле,
Индусы славят свой Ганг,
Удмурты поют о Каме’.*

(В. Владыкин. Малы кырӟа тюрагай = Отчего поет тюрагай, 20–21)

И, действительно, *Кам*, *Кам шур*, *Тӧдӧы Кам* и пр. – самый излюбленный природный объект и наиболее высокочастотный поэтический образ в удмуртских народных песнях и произведениях удмуртских поэтов и писателей.

1. Река Кама – одна из самых больших рек

на северо-востоке Европейской части России; ее протяженность от своих истоков до впадения в Куйбышевское водохранилище составляет 1805 км., а бассейн составляет 507 000 км² [БЭС I 1991: 531]. Она берет начало из родников возле деревни Карпушата современного Кезского района Удмуртской Республики, вначале бежит на север а затем поворачивает на юг¹ и в своем нижнем течении снова проходит по территории южной Удмуртии. Несмотря на то, что в настоящее время удмурты почти не живут на берегах реки Камы (они насильственно были оттеснены от них), однако сама река и ее образ весьма популярны в их поэзии.

Этот крупный водный объект известен в письменных источниках с давних времен: как Кама упоминается в русских летописях под 1220 г. [Поспелов 2001: 117; Матвеев 2008: 182]; в Житии Стефана Пермского (XIV в.) сообщается: “...река же четвертая си есть именем Кама. Си обо обиходящая и проходящая всю землю Пермскую, сквозь ню, по неиже мнози языцы седят” (цитируется по: [Кривошекова-Гантман 1973: 77]).

Удмуртский гидроним *Кам* (и его русифицированный вариант *Кама*²) имеют довольно туманное происхождение.

¹ Подробное описание тех мест Пермского края и Коми-Пермяцкого округа, по которым, извиваясь, протекает эта река вплоть до впадения ее в реку Волгу, представлено А. С. Кривошековой-Гантман [2006: 18].

² Как известно, “конечная фонема -а в слове *Кама* вторична, она возникла в русском языке в результате согласования со сло-

Основательный и весьма квалифицированный обзор научной литературы о фиксации и происхождении гидронима *Кама* от средневековья до наших дней произведен в работе Л. Е. Кирилловой «Река Кама в трудах исследователей» [Кириллова 2006]; данный же очерк ставит перед собой несколько иную, более скромную задачу: проследить, какое отражение получили различные варианты этого гидронима в определенной части переводной клерикальной литературы и в некоторых удмуртских фольклорных (прежде всего песенных) творениях и произведениях удмуртских писателей и поэтов и иного характера текстах середины XIX – начала XXI столетия.

2. Названия крупных природных объектов,

в том числе и рек, восходят к седой древности, и нередко с трудом (или вообще не) поддаются этимологической расшифровке на основе того языка, на территории распространения которого эти объекты в настоящее время расположены.

И там, где наука этимология затрудняется во вразумительном объяснении происхождения какого-либо слова или выражения, на помощь ученым в любое время рады прийти отдельные мастера художественного слова, услужливо пред-

вом «река»» [Атаманов 1988: 139; 1997: 216; Атаманов-Эграпи 2015: 352]; «Дорусские названия многих рек нашего Севера и Сибири (и не только. – В. К.) получили русское окончание *-а* (пишется также *-я*), по форме грамматического женского рода русского нарицательного *река*» [Предисловие // Никонов 2018: 7] (см. также: [Лыткин 1971: 256; Кривощекова-Гантман 1973: 82; 2006: 19; 2006а: 160]). Несколько иначе А. С. Кривощекова-Гантман [1983: 97]: «Конечное *-а* в гидрониме *Кама* следует рассматривать как результат приспособления названия к какому-то языку позднейшего населения на Каме, *возможно, тюркскому* (курсив мой. – В. К.) или русскому».

лагая свои “поэтические” объяснения. Еще Ян Парандовский в своей книге «Алхимия слова», первый вариант которой вышел из печати в 1951 году, выразил свое не очень доброжелательное отношение к тем “нетерпеливым” писателям, кои “не будучи в состоянии дожидаться открытий науки” “осторожно и благоговейно пытаются сотворить до сих пор не отгаданные звуки первой человеческой речи” [Парандовский 1990: 132]. Правда, польский прозаик речь здесь ведет о первых словах (доисторического) человека каменного века, однако сказанное им вполне подходит и к определенным удмуртским писателям, тщившимся раскрыть этимологию отдельных непонятных удмуртских слов, в их числе и топонимов. Однако в отличие от ситуации, описанной Я. Парандовским, некоторые удмуртские писатели и поэты готовы этимологизировать по своему разумению (или недоразумению) любое слово, даже если происхождение их наукой уже объяснено: ведь большинство удмуртских беллетристов считают ниже своего достоинства читать лингвистические (да и литературоведческие – тоже!) труды и иногда заглядывать в соответствующие справочники); некоторым из них ничего не стоит написать ученый труд по теории и практике этимологии (см., напр.: [Возняков 2017]), практически не написав ни одного этимологического опуса.

Не избег “художественной этимологизации” и гидроним *Кам(а)*, по поводу происхождения которого удмуртский прозаик В. Г. Широбоков “рассуждал” следующим образом:

*Со кыдѣкысь вакытьёсы
та шаерын уноезлы шумпонтон
ичи адскылэм. Нылкышноос
асьсэлэсь кӧтӥсьожъёссэс
шур кузя лэзѣ вылэм. Соин
ик, шуисько, одйг шулдыр,
шундыё чюкна ошмес*

’В те давние времена в этих краях не многим выпадала радостная жизнь. Женщины свои горести отправляли тогда по воде. Потому и, говорю, в одно прекрасное солнечное утро спустилась, наверно, к воде

дуре васькиз, вылды, чебер
 ныл. Карнанзэ кызыпу вае
 оииз но пу ведраоссэ гыль-
 яны кутскиз. Аслэсьтыз
 улэм-вылэмзэ малпаса, чыр-
 мыт кырзэ. Куараез возь ку-
 зя шуккиське, ошмеслэн жи-
 льыртэменыз сураське. Ву-
 выл вогыриен-вогыриен воль-
 яське но, нылмурт отысь
 чагыр синмо вольыт ым-
 нырзэ адже. Соку со ас ним-
 зэ вераса кылбура: «Эх, **Ка-
 ма**³, **Кама!** Тынад но улонэд
 та вулэн тазы чукаськы-
 тэк кошкемез кадь луысал
 ке...» (...) Оло со-а, пöй, та
 ошмеслы но шурлы ас нимзэ
 кузьмаз..? (В. Широбоков.
 Мынам республикае, 62–63).

красавица-девушка. Повесив
 свое коромысло на ветку бере-
 зы, начала она споласкивать
 свои деревянные ведра в воде.
 Звонко начала петь, размыш-
 ляя о своем житье-бытье. Го-
 лос ее разносился по лугу,
 смешиваясь с журчанием род-
 ника. Кругами распростра-
 нлась рябь по воде, и девушка
 увидела в ней отражение сво-
 его прекрасного лица с голу-
 быми глазами. Вот тогда и
 причитала она, называя свое
 имя: «Эх, **Кама, Кама!** Текла
 бы и твоя жизнь так же безмя-
 тежно, как эта вода...» (...) Али,
 думаю, не она ли подарила
 свое имя этому роднику и ре-
 ке..?»

[Кстати, в этом направлении В. Широбоков не был оди-
 нок в удмуртской филологии – аналогично и другой удмурт-
 ский писатель и поэт А. Клабуков а стихотворении «Няня»
 русское слово *няня*⁴ шутливо возводит к удмуртскому *нянь*

³ При этом приходится умиляться логикой (или полным от-
 сутствием оной?) автора: это ничего, что от личного имени **древ-
 неудмуртской** девушки произошло не **удмуртское** же название
 реки – *Кам*, а относительно поздняя **русская** метаморфоза ее –
Кама?

⁴ Русское слово *няня* ('женщина, занимающаяся уходом, при-
 смотром за детьми', 'женщина для ухода за больными в больни-
 цах') имеет параллели (с обширным кругом значений) не только
 в славянских языках, но и в неславянских индоевропейских: алб.
pëpë 'мать', перс. *nānē* 'мама', др.-инд. *nanā* 'тж'. Рассматрива-

’хлеб’: Няня, няня! **«Нянь»** кылысь потїд ло<...> (А. Клабуков. Адыми огназ ѓвѣл, 17). ’Няня, няня! К слову *нянь*, кажись, ты восходишь<...>’ Однако, если В. Г. Широбоков и А. Н. Клабуков, кажется, относились к своей «этимологии» как к забавной языковой шутке, то Ф. П. Пукроков всерьез был убежден в своих этимологических вывертах (даже слово *фантазия* звучит в случае с ним слишком научно); к примеру, название полуострова *Крым* он возводит к удмуртскому слову *кырым* ’ладонь’: взгляните, мол, как они похожи...

Кстати, подобными “поэтико-этимологическими” – может быть, более изощренно-фантастическими? – опусами изобилуют и некоторые книги юмориста М. Задорнова, опубликованные в самые последние годы. Вот, напр., один из перлов, случайно взятый из его книги «Слава Роду!»:

“В славянском пантеоне была богиня, которую звали Сва. Она сидела у веретена и плела нить жизни (вообще-то, сидя “у веретена”, *не плетут*, даже если это и “нить жизни”, а все ж-таки *прядут*”. – В. К.). Слог **«ва»**, когда зарождалась первая речь, означала **«семя»**. Скорее всего, потому, что, извините за документальные подробности, извергая семя, самец выкрикивал в экстазе: **«Ва»!** (Можно подумать: автор имел счастливую возможность присутствовать там и “документально” протоколировать не только сам – “извините!” – процесс, но и “экстазные” выкрики первобытного любвеобильного мужика в ходе этого процесса. – В. К.). Память об этом восклицании до сих пор сохранилась во многих западных языках. **Вау!** И сейчас оно выражает восхищение, только уже не семенем и не количеством детей, а так, вообще... Чем попало” (М. Задорнов. Слава Роду, 132).]

3. В арсенале науки ономастики имеется,

мое русское слово возникло в детской речи путем удвоения простого слога (С + V), как и *мама*, *папа*, *тятя*, *дядя* и др. [Черных I 1993: 582–583]. При таком этимологическом раскладе межъязыковых параллелей русское слово *няня* скорее имеет некоторое отношение к удмуртскому слову *нэнэ* ’мать’, нежели к *нянь*.

как об этом пишет также и Л. Е. Кириллова в статье «Река Кама в трудах исследователей» [2006], целый ряд научных гипотез относительно происхождения гидронима *Кама(а)*:

1) попытки некоторых ученых связать название данной реки со славянским словом *камы* 'камень' (см., напр.: [Корнилов 1972: 67]) или *кам* 'лодка' отвергаются другими топонимистами (см., напр., об этом: [Супруненко, Супруненко 2004: 270; Матвеев 2008: 117; Никонов 2018: 170]);

2) весьма сомнительно также и возведение этого гидронима к нарицательному удмуртскому наречию времени *кема* 'долго' (ср.: [Островский 1873: 3; Боднарский 1954: 133; Комлев, Черных 1984: 22; и др.]. Одно из возражений топонимистов против этой гипотезы сводится к следующему: если *Кама* от удмуртского слова *кема*, то удмурты вроде бы должны называть ее *Кема*, а не *Кам-Шур*, *Камишур*, *Кам* [Кривошекова-Гантман 1973: 77; 1983: 94–95; Матвеев 1976: 147];

3) имеются также попытки третьих исследователей (напр.: В. Н. Латкина, Ю. Вихманна, Т. Э. Уотилы, А. Н. Кривошековой-Гантман и др.) возвести гидроним *Кама* к этнониму *коми* (см. об этом: [КЭСК 1970: 132; Лыткин 1971: 254–255; и др.]); однако мнение самого В. И. Лыткина по этому поводу иное: “Мы не сомневаемся в том, что территория бассейна р. Камы была прародиной коми-зырян (а коми-пермяки и теперь живут там). Однако этноним *коми* и гидроним *Кама* представляют собой разные слова”. Или еще: “⟨..⟩ этноним *коми*, видимо, очень древен и происходит от слова, означающего 'человек'. Он не имеет отношения к гидронимам – удмуртскому *Кам* и русскому *Кама*” [Лыткин 1971: 255];

4) сам же В. И. Лыткин высказывает в вышеназванной статье предположение, “что русск. *Кама* (*Кам-а*) и удм. *Кам* – обско-угорского происхождения, ср. хант. *кам* 'прозрачный', 'чистый', 'без примеси'⟨...⟩” [Лыткин 1971: 256], не под-

держанное, кстати, известным коми-пермяцким лингвистом А. С. Кривошековой-Гантман: “⟨...⟩большую реку не могли назвать по признаку «прозрачная, светлая». История формирования гидронимических систем свидетельствует, что в основах древнейших топонимов лежат обычно такие признаки, как «вода, течение, река», а также название племени, рода или его территории” [Кривошекова-Гантман 1983: 95; 2006: 159]; или еще: “древнейшими гидронимами ⟨...⟩ становились обычно нарицательные слова со значением ‘вода, река’. Названия же типа *долгая, светлая* возникали в более поздние периоды” [Кривошекова-Гантман 1973: 78];

5) но все же более достоверным (и вполне закономерным), кажется, возведение гидронима *Кама* к нарицательному слову – к удмуртскому апеллятиву *кам* ‘река, поток; большая вода’, встречающееся в трудах многих этимологов и ономастов (напр.: [БСЭ 11 1973: 708; Фасмер II 2009: 172; Гарипова 1984: 60; Атаманов 1988: 139; 1997: 216; Атаманов-Эграпи 2015: 352; Супруненко, Супруненко 2004: 270; Никонов 2018: 170; и др.]⁵), хотя ряд ученых и воздерживал-

⁵ Весьма странны рассуждения Е. М. Поспелова, который, игнорируя разделяемое многими исследователями мнение о происхождении названия реки *Кама* от удмуртского *кам* ‘(большая) река, поток’, мечется между тувинским *хем* ‘река’ (> *Хем* ‘Енисей’ [Матвеев 2008: 118; см. также: Матвеев 1976: 149]) и финским *kuti* ‘поток’ в поисках общего для ряда языков Евразии слова со значением ‘река’, являющегося, по его мнению, исходным для гидронима *Кама*: “Известен ряд этимологий. Согласно наиболее правдоподобной из них название *Кама*, как и название многих других крупных рек, означает просто «река» или «большая река». Наличие рек *Кама, Кема, Кемь, Кьяма* и др., а также местных терминов тув. *хем* «река», фин. *kuti* «поток» позволяет предполагать существование древнего геогр. термина со значением «река», некогда общего для ряда языков Евразии. От этого термина и образовано,

ся от этой гипотезы. Так, по мнению В. И. Лыткина (поддержанному и А. С. Кривошековой-Гантман), не гидроним *Кам(а)* возник от удмуртского *кам* '(большая) река', а, напротив, нарицательное слово (апеллятив) *кам* "представляет собой производное от собственного *Кама*" ([Лыткин 1971: 256]; см. также: [Кривошекова-Гантман 1983: 98; 2006а: 160]). Весомым, по мнению А. С. Кривошековой-Гантман, аргументом против верификации гипотезы о "речном" происхождении гидронима *Кам(а)* (< удм. *кам* '(большая) река'), служит наличие в удмуртском языке сочетания *Кам шур* 'река Кама': "Удмурты *Каму* называют *Камшур*, буквально – 'Кам-река'. Они не воспринимают слово *кам* в значении 'река', поскольку присоединяют к нему свой речной термин" [Кривошекова-Гантман 1983: 98; 2006а: 160]. Однако на этот аргумент, как мне кажется, не стоит возлагать слишком большие надежды, поскольку сочетание *Кам шур* появилось довольно поздно (судя по имеющимся в моем распоряжении материалам, оно зафиксировано в удмуртских текстах лишь в XX–XXI вв.), когда в абсолютном большинстве удмуртских диалектов слово *кам* в значении 'река' уже (почти) вышло из активного употребления, сохранившись лишь как гидроним *Кам* 'Кама'. В качестве аналогичных примеров на сочетание "Река (устар.) + река (нов.)" М. Г. Атаманов приводит топонимы северной части Удмуртии: "*ЮШУР* – река в бассейне р. Чепцы и одноименный населенный пункт в Красногорском р-не (удм.). *Ю* + *шур* 'ре-

по-видимому, название *Кама*" [Поспелов 2001: 182]. Также и для А. К. Матвеева явно недостаточно того, что "удмурты *Каму* называют *Кам*" (т. е. '(большая) река'), и он в недоумении, откуда же произошел данный гидроним: то ли от корней *кам*, *кям*, *кьям*, *кем*, *кым* "вымерших языков северной полосы Евразии от Финляндии до Саян", то ли от "индоевропейского, а точнее, индоиранского слова" [Матвеев 1978: 149].

ка': 'река + река'. Надо полагать, что апеллятив *шур* присоединился к гидрониму позднее, когда значение слова *ю 'река'* в удм[уртском] языке было утеряно" ([Атаманов 1988: 149]; см. также: [Атаманов-Эграпи 2015: 939]) (о довольно широком распространении ныне самостоятельно не употребляемого апеллятива *ю 'река'* в составе топонимов см.: [Атаманов-Эграпи 2015: 927–928]).

Кстати, возведение гидронима *Кам(а)* к удмуртскому слову *кам* '(большая) река' отнюдь не ново: еще участники Академических экспедиций XVIII в., описывая местожительство удмуртов, как правило, упоминали реку Каму. И. Г. Георги, к примеру, писал: "Они [Вотяки] живутъ въ Казанской губерніи наибольше въ Вотской провинціи, и называютъ сію занимаемую ими страну *Камъ Козинъ*, сирѣчь промежь рѣками лежащею землею, а именно между Камою, которая на ихъ языкѣ нарицается *Будіинъ Камъ*, и *Вяткою*, коя у нихъ называется *Вятка-Кама*" [Георги 1776: 55] (цитируется по: [Кириллова 2006: 50–51]; см. также: [Атаманов 1988: 139; 1997: 216; Атаманов-Эграпи 2015: 352]). П. С. Паллас выразил свою догадку о том, что название реки Камы восходит к удмуртскому слову со значением 'большая река': "Кама... свойственно отъ ихъ языка и названіе свое получила (в сноске же: "*Камъ* означаетъ на Вотяцкомъ языкѣ вообще великую рѣку)" [Палласъ 1788: 29] (цитируется по: [Кириллова 2006: 51])). Об этом же весьма пространно (и более определенно) высказался Г. Ф. Миллер, писавший: "Рѣка Вятка <...> такъже называется разными именами: Вотяки именуютъ оную **Вятка-Камъ** (выделение жирным курсивом здесь и далее мое. – В. К.), Черемисы *Науградъ-Вичъ*, а Татары *Наукрадъ-Идель. Камъ*, Вичъ или Виць и Идель въ моемъ словарѣ показаны такими словами, которые на вышеупомянутыхъ языкахъ значать вообще **рѣку**. И такъ рѣка *Кама* называется разными именами: Вотяки называютъ оную съ придачею **Буджимъ-**

Камъ, то есть *большою рѣкою*, Черемисы *Чолманъ-Вицъ*, а Татары *Чолманъ-Идель*⟨...⟩” [Миллеръ 1791: 34–35]. Этот же ученый в приложенном к этому исследованию «Словарѣ на Татарскомъ, Черемисскомъ, Чувашскомъ, Вотяцкомъ, Мордовскомъ, Пермскомъ и Зырянскомъ языкахъ, съ Россійскимъ переводомъ» фиксирует удмуртское слово *кам* в значении ‘большая река’ в противоположность к слову *шур* ‘маленькая (небольшая) ре(ч)ка’ или *ву* ‘вода’, иногда употребляемого с семантикой ‘(небольшая) река’, ср.: „Рѣка большая ‘*Камъ*’ – малая ‘*Шуръ*’“ [Миллеръ 1791: 84]. Такое различие между словами *кам* и *шур* подтверждается и Ф. Й. Видеманном (возможно, не без влияния вышеупомянутого труда Г. Ф. Миллера): Fluss [= река] ‘*schur* (kleiner), *kam* (grosser) (= *шур* (малая), *кам* (большая))’ [Wiedemann 1851: 355]; Strom [= поток] ‘*kam*’ [Wiedemann 1851: 378].

По материалам И. В. Яковлева [1919: 2–3], еще и в начале XX века в удмуртском языке (по крайней мере, в отдельных его диалектах) слово *кам* служило в качестве своеобразного детерминанта для указания на заметную величину реки:

“Порлэн лортэменыз кӧчысьёс *Ватка кам* (светлый курсив и жирный курсив здесь и далее мои. – В. К.) кузя васькыса солэн пальян палаз *Калмез ву* кузя, собере *Вала ву* кузя тубыса Алабуго но Малмыж уездъёсэ иньтыяскиллям. Кудъёсыз нош *Ватка камлэн* бур палаз нюлэсьёсэ пырыса Кузон пала килиллям.

Ӗучлэн лортэменыз кӧчы-

’Переселяющиеся из-за постоянных нападков марийцев [удмурты], спустившись по *Вятке-реке*, поднявшись по левому ее притоку *реке Кильмези*, затем *реке Вале*, расселились в Елабужском и Малмыжским уездам. А некоторые, продвинувшись в леса по правую сторону *Вятки-реки*, засели на Казанской стороне.

Удмурты, переселяющие-

са кошкись удмуртъёс Ватка город дорысен шунды жужан пала *Чепца ву* кузя тубыса Глазов но Сарапул уездъёсэ пуксылъям<...>

<...>Кузон пала *Ватка камлэн* бур палаз килем удмуртъёс та дыръя ожытэн ожытэн Кузон, Мамадыш, Малмыж но Уржум уездъёсын уло<...> Ватка кар паласен *Чепца шуон ву* кузя тубем удмуртъёс Глазов, Сарапул но ожыт Слободской уездъёсын уло<...> Кузонэз жуч эксэй басьтэм бере Кузон пал удмуртъёслэн уноез *Кама шуон кам* съёре кофьса кошкемъёсыз али Оса но Бирск уездъёсын уло” [Яковлев 1919: 2–3].

ся из-за напора русских от города Вятки на восток, поднявшись по **реке Чепце**, осели в Глазовском и Сарапульском уездах<...>

<...>Удмурты, оставшиеся на правом берегу *Вятки-реки* в Казанском направлении, малыми группами проживают в Казанском, Мамадышском, Малмыжском и Уржумском уездах<...> Удмурты, поднявшиеся со стороны города Вятки по **реке, называемой Чепца**, живут в Глазовском, Сарапульском и немного в Слободском уездах. После завоевания русским царем Казани, большинство казанских удмуртов, переселившись за **реку, именуемую Камой**, живут в Осинском и Бирском уездах’.

Наблюдения над вышеприведенными отрывками из книги И. В. Яковлева показывают:

1) с помощью приложения *кам* ‘большая река (вода)’ выделялись **большие** реки, напр., **Кама** (*Кама шуон кам* ‘(большая) река, называемая Камой’, *Кама шуон кам съёре* ‘за (большую) реку, называемую Камой’) и **Ватка** (*Ватка кам кузя* ‘по (большой) реке Вятке’, *Ватка камлэн бур палаз* ‘на правой стороне (большой) реки Вятки’);

2) прилагая к гидрониму слово *ву* ‘небольшая река (вода)’, указывали на **малые** реки: р. **Валу** (*Вала ву кузя* ‘по (небольшой) реке Вале’) и **Чепцу** (*Чепца ву кузя* ‘по (небольшой) реке Чепце’).

шой) реке Чепце', *Чепца шуон ву кузя* 'по (небольшой) реке, называемой Чепца').

(Несмотря на то, что из множества гипотез о происхождении рассматриваемого гидронима мне больше импонирует "речная" (*кам* '(большая) река, поток' → *Кам(а)*), однако, не имея ни цели, ни возможности поставить точку над *i* в этом вопросе, все же вынужден на данном этапе присоединиться к словам А. С. Кривошековой-Гантман [2006а: 160]: "Общий же вывод таков: о происхождении гидронима *Кама* в науке пока нет единого мнения". К тому же этимология слов не является основной целью моего исследования по данной теме.)

4. Само же нарицательное имя существительное *кам*

ставится финно-угроведами (правда, под вопросом) в этимологический ряд со следующими словами: коми *кот-ти* – 'коми район Чердыни, Прикамье' (*ти* 'земля, край'), фин. *kumi* 'река, течение (также названия рек)', хант. *kām* 'приток реки Конды', манс. *kam* (КЭСК), *kām* (UEW) 'название реки на территории Вагильска' < фуг. (?) **kāmz* (**kāmz*) [КЭСК 1970: 132; UEW 1986: 229]. По мнению же К. Редеев, это сопоставление в фонетическом отношении ненадежно; речь скорее идет о древних самостоятельных заимствованиях отдельными финно-угорскими языками из различных источников [UEW 1986: 230]. Такими источниками М. Г. Атаманов-Эграпи считает индоиранские языки [Атаманов-Эграпи 2015: 353], ибо "ареал гидронимов с апеллятивом *кам* ~ *ком* ~ *кем* охватывает тер[риторию] от Саянского нагорья до Северного Кавказа, где в историческом прошлом жили индоиран[ские] племена; в др[евне]-инд[ийском] языке *кам* 'вода', в таджикских диалектах *кам*, *ком* 'большой полноводный канал' [Мурзаев 1974: 184–188; 1984: 270; Атаманов-Эграпи 2015: 353]. В древнетюркском языке также за-

фиксировано слово КЕМ 'название реки' [ДТС 1969: 297], ср. еще: тув. *хем* 'река' в составе серии рек, сливающихся в Тувинской котловине и образующих реку Енисей (тув. *Хем*): *Бий-Хем*, *Улуг-Хем*, *Ка-Хем*, *Ак-Хем*, *Баш-Хем*, *Кызыл-Хем*, *Кара-Хем* и др. [Мурзаев 1984: 269]. Имеет ли к этому бродячему слову какое-либо отношение кит. *хэ* 'река' (ср.: *Хуанхэ* 'желтая река' < кит. *хуан* 'желтая', *хэ* 'река' [Поспелов 2001: 451; Супруненко, Супруненко 2004: 450])?

5. Хотя зафиксированное в источниках XVIII века

удмуртское нарицательное слово *кам* в своем исконном значении '(большая) река' к нашему времени уже почти ушло из устной речи⁶, сохранившись лишь как гидроним *Кам* 'Кама', однако ряд ранних источников на удмуртском языке зафиксировали и современные продолжают отмечать его и в первичном значении. Эти источники суть:

- 1) словари и словарики;
- 2) ранние переводные тексты;
- 3) творения удмуртского фольклора;
- 4) отдельные произведения зарождающейся художественной литературы.

5.1. Некоторые лексикографические труды

по удмуртскому языку, составленные в более позднее время (в XIX–XXI вв.), слово *кам*, наряду с обозначением реки *Камы*, традиционно продолжают фиксировать и с первичной своей семантикой – 'большая вода, река, поток', напр.:

⁶ По мнению Л. Е. Кирилловой, это слово в реликтовом виде зафиксировано в (южноудмуртском) говоре д. Нижний Вишур Можгинского р-на Удмуртской Республики: *кам* 'сырое болотистое место с водой' [Кириллова 1992: 88; 2006: 51–52].

kam 'Fluss, Strom' (= 'река, поток'. – *В. К.*) [Wiedemann 1851: 309; 1880: 483]; Fluss [= река] '*schur* (kleiner), *kam* (grosser) (= *шур* (малая), *кам* (большая)'

[Wiedemann 1851: 355]; ср. также: Strom [= поток] '*kam*' [Wiedemann 1851: 378]; *šur* 'Bach, kleiner Fluss (= ручей, маленькая река)' [Wiedemann 1880: 533];

Kam а *Káma folyó* (рѣка Кама; а не вообще; ,рѣка) | der *Kama-fluss* [Munkácsi 1896: 124] (несмотря на некоторую пунктуационную неточность (точка запятая вместо двоеточия) записи составителя словаря, можно дагадаться: Б. Мункачи не знал нарицательного значения 'река, поток' у этого слова);

kam малм., елаб., м.-урж. 'река, поток'; малм., м.-урж. 'Кама' [Wichmann 1987: 88];

Кам – (1) Кама; (2) рѣка (1892) [Верещагин 2006: 113];

кам 'folyó' (= 'река'. – *В. К.*) [UMSz. 2002: 165];

кам 'крупная река; разлив; море' [УРС 2008: 277].

5.2. Ранние переводы

– это, в первую очередь, изданные на удмуртском языке конфессиональные тексты. Так, евангельское выражение црсл. *въ пучинѣ морстѣй* (~ рус. *в глубине морской*) в двух разных изданиях (вариантах) «Краткого славяно-вотскаго словаря» переведено двояко: *камэ* (1892) и *зарезь-камлэн пыдэсаз* (1897); причем в последнем случае семантика 'большая вода' усилена, как можно заметить, приложением к слову *кам* еще и слова *зарезь* 'море', ср.:

(Мф. 18:6) *Йже áще соблазнѣть единаго мálыхъ сихъ вѣрующихъ въ Мя, úне ёсть ему, да обѣсится жёрновъ осельскій на вѣи его, и потóнеть въ пучинѣ морстѣй* [Слав.-вот. сл. 1892: 19] / <...>а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы

повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его
в глубине морской (Библия 1988: 1034) →

’– Мыным оскиҥ мурт-
түслиҥ одиг пичи гнэ өрек-
часа мытлаң кариҥ мурт-
лы чыртйаз вуко кӧ думыса
камэ куштысалзыкэ лжсэч-
гэс лүсал’ (Слав.-вот. сл.
1892: 19).

’Та пичіослїсь огзэ-гнэ Мы-
ным оскисьзэ мытлань карись
муртлы жечгэс лүсал, солэн
чыртйяз вуко кӧ думыса сое
зарезь-камлэн пыдэсаз куш-
тысалзыке’ (Слав.-вот. сл.
1897: 26).

Однако в переводах именно этого фрагмента из Еван-
гелия от Матфея изданий 1847–2013 гг. стоят иные формы,
синонимичные ему (как правило, конструкции со словом
зарезь ’море’), ср.:

1847: сар. *Кінъ ношъ мыдлань-лы кардъзъ огъ-зэ-кэ-но
та покци-дсълдсь, Мынымъ оскись-йось-лдсь; со-лы умойгэмъ
лусаль, вуко кэ-эзъ-кэ цирты-язъ ошисаль со-лы, куштысаль-
но сое заризъ пытсѣ* (Еванг. Сар. 1847: 134).

1847: глаз. *Кінъ ношъ мыдлань кардъзъ тышетдъзъ-но
огъзэ-кэ-но та покцидсълдсь, Мынымъ оскисьйосълдсь; солы
умойгэмъ лусаль, вуко кэ-эзъ-кэ цирты-язъ ошисаль солы,
куштысаль-но сод заризъ-пытсѣ-язъ* (Еванг. Глаз. 1847: 134).

1863: ’*Kin noš mydlańly karož ogzä kä no ta poksijosleś tu-
nym oskyśjosleś, soly umojgem lusal, vuko kò kä tsirtyaz ošysal so-
ly kuštysal no soä zariz pydsä*’ (Evang. 1863: 62).

1877: каз. ’*Киң та Мыным оскиҥ пичіослєҥ одигзэ азды-
ризкэ, солы чыртыяз вуко кӧ думыса зарезж пыдэсэ* куштитсҥ-
кэмэз капчигес луысал’ (Еванг. 1877: 47).

1882: ’*Кинь нош та мыным оскысь покціёслэсь огзэ кено
мыдлань дышетыз ке, солы чиртыяз вуко кӧ ошыса сое зарезь
пыдэсэ* куштыськемез капчигем луысал’ (Еванг. 1882: 51).

1904, 1912: ’*Кинь нош мыным оскысьёслэсь одйгсэ гынэ
алдазке, со муртлы чыртыяз вуко кӧ ошыса, сое зарезь пы-*

дэсэ куштысалзыке жечгем луысал’ (Еванг. 1904: 58; Еванг. 1912: 55).

1992, 1997: *Нош кин одйгзэ та покчиос пӧлысь, Мыным оски-сез, сьӧлыке пыртӱз ке, солы умойгес луысал, чыртыяз вуко кӧ ошыса **зарезь пӧдсы** выйытысалзы ке* (Жеч ивор 1992: 42; Выль сйзён 1997: 53).

2013: *Нош кин одйгзэ та пичиос пӧлысь, Мыным оски-сез, сьӧлыке пыртӱз ке, солы умойгес луысал, чыртыяз вуко кӧ ошыса, **зарезь пӧдсы** выйытысалзы ке* (Библия 2013: 1281).

Тот способ передачи на удмуртском языке слова *море* посредством сочетания двух слов *кам* и *зарезь*, означающих крупные водные бассейны, который был применен еще в конце XIX века, был использован М. Г. Атамановым и в новейшее время при переводе Библии (правда, порядок следования их обратный: не *зарезь-кам*, а *кам зарезь*); однако, как можно заметить, это сочетание употреблено им для обозначения конкретного – Красного (Чермного) – моря как его собственное наименование (1), слово же *море* (вообще) им переведено одним словом – ‘зарезь’ (без компонента *кам*) (2), ср.:

1: (Исх. 10-19) И воздвигнул Господь с противной стороны западный весьма сильный ветер, и он понес саранчу и бросил ее в Чермное **море**⟨...⟩ (Библия 1988: 63). →

’*Кузё-Инмар табере мукет палась, шундыпуксён палась, туж кужмо тӧл вайиз но тӧл саранчаез Горд **Кам зарезе** нуыса куштӱз*⟨...⟩’ (Библия 2013: 92).

(Исх. 13-18) И обвел Бог народ дорогою пустынною к Чермному **морю**. И вышли сыны Израилевы вооруженные из земли Египетской (Библия 1988: 67). →

*’Инмар калыксэ кыр дуннеысь котыр кузь сюрес кузя Горд **Кам зарезь** пала нуиз. Израиль пиос ожмаськон тӱрлыкӥсын Египет музеймысь потӱзы’* (Библия 2013: 97–98).

(Исх. 15-22) И повел Моисей Израильтян от **Чермного моря**, и они вступили в пустыню Сур; и шли они три дня по пустыне и не находили воды (Библия 1988: 69). →

*’Моисей израиль калыкез Горд **Кам зарезь** дорысь палэнэ нуиз; отӱяз соос Сур шуон луоӥ кыр дуннее пыризы. Куинь нунал ӥоже луоӥ кыр дуннетӱ мынӱзы но ву ӧз шедьтэ’* (Библия 2013: 101).

(Исх. 23-31) Проведу пределы твои от **моря** Чермного до моря Филистимского и от пустыни до реки [великой Евфрата]⟨...⟩ (Библия 1988: 77). →

*’Горд **Кам зарезь** дурысен Филистим зарезь дорожь, луоӥ кыр дуннеысен [быдӥым Евфрат] шур дорожь кунгожӥсьыд кытӱськозы⟨...⟩* (Библия 2013: 114). И др.

2: (Исх. 14-21) И простер Моисей руку свою **на море**, и гнал Господь **море** сильным восточным ветром всю ночь и сделал **море** сушею, и расступились воды (Библия 1988: 68). →

*’Моисей кизэ **зарезь** **вылэ** вӧлӥяз, соку Кузӥ-Инмар **зарезез** кужмо шундыӥсужсӧнпал тӧлэн уйбыт пельтыса возиз, озьы **зарезез** сый вылды пӧрмытӱз, соку вуос мыд-мыд пала вайясъкызы’* (Библия 2013: 99).

(Нав. 17-10) Что к югу, то Ефремово, а что к северу, то Манассиино; **море** же было пределом их⟨...⟩ (Библия 1988: 221). →

*’Лымышор палан ке, со Ефремлэн, нош мар вань уйпалан, со Манассиялэн; шундытуксӧн палан музеймы **зарезӥзь** кыс-тӱськиз⟨...⟩* (Библия 2013: 339).

(Пс. 76-20) Путь Твой **в море**, и стезя Твоя в водах великих, и следы Твои неведомы (Библия 1988: 566). →

’Тынад сюресэд зарезьын, ветлон сюресэд быдӓым вуос вылын, пытьыосыд адӓыны луонтэмесь’ (Библия 2013: 816).

(Иез. 27-26) Гребцы твои завели тебя в большие воды; восточный ветер разбил тебя **среди морей** (Библия 1988: 821). →

’Пыжӓёсын полысасьёсыд тонэ бадӓым вуос пушкы ва-йизы; шундыӓсужанысь пельтӓйсь тӓл тонэ зарезьёслэн шо-разы куашкатӓз’ (Библия 2013: 1125).

И пр.

Следует заметить, что образование новых слов путем сложения двух синонимичных (или довольно близких по своей семантике) основ, весьма характерно для удмуртского языка; и в данном случае такое сочетание, как *кам-зарезь* или *зарезь-кам*, служащее для выражения значения ‘море’, тем более оправданно, что само слово *кам* в отдельных контекстах может быть семантически близко к слову *зарезь* ‘море’ (даже если некоторые собиратели фольклорных текстов и переводят его, т. е. слово *кам*, и как гидроним).

5.3. Особенно отчетливо первичное

нарицательное значение слова *кам* выражено в повести А. Денисова «Мынам пленись пегӓеме» (‘Мой побег из плена’), изданной в 1919 г., где нарицательное слово *кам*, судя по ряду довольно пространных отрывков из этого произведения⁷, соотнесено, с одной стороны, с его синонимом *шур* ‘река’, а с другой, – с большой рекой *Эмс*:

⁷ Эта давно ставшая раритетом книжица не переиздана, и по-сему для наших современных читателей она неизвестна.

Милям улон палтймы чуин сюрес кошке вал; со чуин сюрес граница куспытй Эмс нимо **кам** вал. Со **кам** съорын ог 15 изськемын граница былэм. Та **кам** пичи өвёл. И вуэз мур, паракодъёс ветло.

Сое мон ачим дураз ветлыса адзи, съобраз гнэ граница пала ветлэме ой вал. Та **кам** вамен выж вань. Отын весь часовой сылэ. Милемыз немисьёс та **кам** съоре чик уг поттыло вал.

Та улон иньтйямы тол туж вакчи луэ, лымы өжыт гнэ усе, усекено ваньзэ куазь зорыса шунытыса быттэ. Куазь шунытэн **шуръёс** но туж шер аръёсын гынэ кынмо былэм(...).

Отйсь пегзон туж шугуж: азьлоик часовой дортй лушкем орчыны кулэ, кыкетйзэ **шур** вамен потно, берлозэ нош, тужгем но секытэз, границаез потно. Ми граница палан улйсьёс адзиськомы вал, лаке одйг, лаке кык пегзисьёсыз, лаке Эмс **кам** дурын, лаке границаын кутто. Отын но часовойёс пуктылэмын. Кудйз

Мимо нашего жилья проходила железная дорога; между этой железной дорогой и границей находилась **река** Эмс. Примерно в 15 километрах за той **рекой** находилась граница. **Река** эта не маленькая. И вода глубокая, пароходы [по ней] ходят.

Это я увидел сам, сходяв на берег, лишь за [рекой], около границы, не побывал. Через эту **реку** есть мост. Там всегда стоит часовой. Немцы нас за эту **реку** не выводили совсем.

В местности, где мы жили, зима бывает очень недолгая, снегу выпадает мало, даже если выпадет, от дождливой погоды тает. Из-за теплой погоды и **реки** лишь в редкие годы замерзали(...).

Сбежать оттуда — очень трудное дело: сперва надо незаметно пройти мимо часового, затем надо переправиться через **реку**, а напоследок, самое трудное, пересечь границу. Мы, живущие около границы, замечали: одного или двух беглецов ловили или на берегу **реки** Эмс, либо на границе. И там поставлены часовые. А некоторые из беглецов

нош озьы пегӱисьёс **каме**
арам луса бырылӱзы; ми ач-
мес одӱг пол милям улон гур-
тамы **кам** дурӱсь кулэм адя-
миез ваемзэс адӱимы<...>.

Толалтэ январь толзэбын
куазь туж кезыт луиз. Ми
соку Эмс **камлэсь** кынмемзэ
чакласькыны шетапы, кын-
мизке пегӱомы шуса. Ог кык
арня орчем бере январь то-
лзэблэн шор вадесагес не-
мисьёз Эмс **кам** кынмем шу-
са вераськыны шетапы; соӱс
отсы мискыляны ветло вал.
Ми нош солы ъм оскысалмы
али, милям одӱг эшмы ачиз
ик **кам** дуре ветлыса адӱем.
Кам кынмемез тодыса, не-
мисьёс милемыз ноина нолун
возьманы шетапы. (А. Дени-
сов. Мынам пленӱсь пегӱе-
ме, 9–11).

Куазь ъжыт кынтыны
шетап. Кемаик ъм мынэ ини
кам дуре нолунмы. **Кам** бы-
дэсак сьӱд адӱиськыз; лӱзз
кошкем дыр шуса туж кур-
дамы. Дураз вуыса йӱлэн ду-
рыз гнэ сӱриськемзэ адӱимы.
Быдэн боды кутыса собере
огмы бордэ огмы кутӱськы-
са, **камлэн** сьӱраз потӱмы.
Шур дурын нокине нолун
шӱдэ (А. Денисов. Мынам
пленӱсь пегӱеме, 15).

погибали в **реке**; мы сами од-
нажды увидели, как в дерев-
ню нашего пребывания при-
везли с берега **реки** покойни-
ка<...>.

Зимой в январе месяце
стало очень холодно. Мы то-
гда решили наблюдать, как
замерзает **река** Эмс, чтобы
сбежать, как только замерз-
нет. Через одну-две недели
примерно в середине января
немцы начали поговаривать
[о том], что **река** Эмс замерз-
ла; они ходили туда кататься.
А мы этому и не поверили
бы, один наш друг сам уви-
дел, сходя к **реке**. Узнав,
что **река** замерзла, немцы ре-
шили еще более усилить на-
шу охрану.

Начало немножко замора-
живать. Недолго шли мы, [и]
уже оказались на берегу реки.
Река показалась нам вся чер-
ная; мы очень испугались, что
лед, возможно, сошел. По-
дойдя к берегу, увидели, что
лишь края льда разломались.
Затем, взяв каждый по палке,
мы, держась друг за друга, пе-
ребрались за **реку**. На берегу
реки никого и не заметили.

5.4. Что касается фольклорных произведений,

в особенности южных удмуртов, то употребление в них слова *кам* (в том числе и в сочетании *тöдды кам/Тöдды Кам*) в семантическом отношении оказалось весьма разнообразным и противоречивым.

5.4.1. С одной стороны, в песнях

и иных фольклорных произведениях это слово (даже в составе общераспространенной конструкции) выступает – в особенности в материалах, записанных Ю. Вихманном – в качестве нарицательного имени существительного с семантикой ‘река’ (*töđ'i kam-durad 'am klaren flusse*’ (‘на берегу прозрачной **реки**’); *kam d'ö viçuti 'über das flusseis*’ (‘по льду **реки**’) и др.), см.:

<i>töđ'i kam-durad töđ'i kiś-pued</i>	’Die weisse birke, die am kla-
<i>töđ'i kamed'l'i pir-at'škε</i>	ren flusse steht, spiegelt sich in
[Wichmann 1893: 33]	dem klaren flusse’.

’Белая береза, что на берегу **прозрачной реки**, отражается в **прозрачной реке**’.

kik ket't'šos kam d'ö viçuti vortisa koško viçuem. ’Zwei hasen sollen über **das flusseis** springend gelaufen sein’ [Wichmann 1901: 77].

’Два зайца бежали по льду **реки**’.

В этом отношении серьезный интерес представляют две песни кукморских удмуртов, включенные Бернатом Мункачи в фольклорно-диалектологический сборник «Народнопоэтические традиции удмуртов» [Munkácsi 1887], в которых наличествуют следующие слова с нарицательным (“водным”) значением: (1) *s'üd zarež-* ‘fekete tenger-’ (‘черное море’)⁸ и (2) *zarež 'tenger-*’ (‘море’). В их ближайших вариан-

⁸ Это отнюдь не “Самое синее в мире *Черное море* мое”, а обычное (абстрактное) море с темной водой – ведь не зря же вен-

тах на месте выражений *s'üd zarež-* и *zarež-*, стоят формы *Тӱы кам* (Б. Гавриловъ) и *kam-* (В. Munkácsi), которые – как известно – также характеризуются “водной, речной” семантикой:

1. *Тӱы кам* *вамэн потыны*
Кагазлис векчи пыж кулэ;
Ти моторйосын вераскыны
Бурчиңлис небыт кыл кулэ.
 [Гавриловъ 1880: 35]

’Чтобы перейти через **бѣлый Камъ** (= р. *Кама.* – В. К.), нужно имѣть корабль тоньше бумаги. Чтобы разговаривать съ вами красавицы, нужно имѣть языкъ мягче шелка’ [Гавриловъ 1880: 100–101].

~

<i>S'üd zarež-vêlti potêñê</i>	’A fekete tengeren átmenni,
<i>kaḡazliś vekči pēž kulä;</i>	papirosnál vékonyabb hajó kell;
<i>ti êromjosên veraškênê</i>	veletek, szeretők, beszélgetni,
<i>burčihlis vekči kël kulä.</i>	bársonynál finomabb nyelv kell’.

[Munkácsi 1887: 225]

’Чтоб переправиться через **черное море**,
 Необходима лодка, тоньше бумаги;

герский ученый написал это сочетание с прописной буквы: *a fekete tenger-* ‘черное море’ [Munkácsi 1887: 212]. Кстати, нарицательное выражение *śöd zarež-* ‘musta meri’ (‘черное море’), не имеющее, разумеется, прямого отношения к названию одного из морей на юге Европейской части России, наряду с “черной горой” (*śöd gurež-* ‘musta vuori’), “черной водой” (*śöd vi* ‘musta vesi’), “черной ящерицей” (*śöd kendžali-* ‘musta sisilisko’), “черной змеей” (*śöd kõi-* ‘musta kuu’) [Aminoff 1886: 51] и т. п., выступает в качестве одного из важнейших атрибутов удмуртских заговоров, записанных и опубликованных Т. Г. Аминоффом: *S'öd zarežôn vi-oš* ‘**Mustassa meressä** vesihärkä’ (’В **черном море** водяной бык’), *S'öd zarežôn vi-už* ‘**Mustassa meressä** vesiori(t)’ (’В **черном море** водяной жеребец’) [Aminoff 1886: 54].

Чтобы с вами, любимыми, разговаривать,
Нужны слова, тоньше шелка’.

2. *kamleś paśkǐdzε totsāumi-kε,
ōm purkǐsāumi lotkaiε
d'atleś kōṭṣezε totsāumi-kε
ōm po'tǐsāumi d'atǐosε.*

’Wenn wir die breite **des flusses** gekannt hätten wir uns, hätten ins boot nicht gesetzt. Wenn wir die fremden leute gekannt hätten, wie sie sind, wären wir zu ihnen nicht gegangen’ [Wichmann 1893: 3].

’Если бы знали мы ширину **реки**, то не сели бы в лодку. Если бы знали мы, каково быть у чужих, то не отправились бы на чужбину’.

~

*Zarežlīs paškētzä mon todēsal-kä,
üj-dēr pukšēsal puromä;
mar adžonjōsmä mon todēsal-kä,
kūikijam-dērja-no kulēsal.*

’А **tengernek** szélességét ha tudnám, bizony nem ülnek én a kompra; hogy mit fogok még látni, ha tudtam volna, meghaltam volna még bölcsőkoromban’ [Munkácsi 1887: 212].

’Если бы знал я ширину **моря**,
Не сел бы я, наверно, на перевоз;
Если б знал я свою дальнейшую судьбу,
Умер бы, находясь в колыбели’.

5.4.2. С другой стороны, в поэтических текстах,

записанных одним и тем же исследователем (напр., Б. Гавриловым), но в разных местах, оба варианта – *Тōы Кам* ’Бѣлый Камъ’ (1, 2) и *кам* ’Камъ’ (3) – означают один и тот же гидроним *Каму* и *белую (Белую) Каму*, ср.:

1. *Ай араҫко но араҫко
Тōы кам бусэд уҫытоҫ;*

*Мар аджемйостэ ук тоҥкы
Пыдажсам лыктыса уҥытоҥ.
[Гавриловъ 1880: 24]*

’Ахъ, жну, я жну, до тѣхъ поръ, пока не спадеть туманъ на **бѣ-
лый Камъ**’. Что предстоить мнѣ не знаю до тѣхъ поръ, пока не
наступить будущее’ [Гавриловъ 1880: 92].

*2. Мұшйосыд лобоз табышлы
Тәы Кам кужся камыжэ;
Султы туган шуон куаралы
Ческыт умэлиҥ сайкаса кошки.
[Гавриловъ 1880: 29]*

’Пчелы полетятъ за медомъ въ камыши къ (рѣкѣ) **бѣлому Ка-
му**’. Я проснулся отъ сладкаго сна, услыхавъ голосъ: встань, род-
ной!’ [Гавриловъ 1880: 95].

*3. Ваҥким, ваҥким кам кужса.
[Гавриловъ 1880: 39]*

’Шли мы, шли по **Каму** внизъ’.
[Гавриловъ 1880: 104]

6. В качестве собственного наименования реки

северо-восточной части Европы – Камы – удмуртское сло-
во *Кам* выступает в текстах различного жанра и характера
в 6 синонимичных вариантах (формах), каждый из которых
имеет свою специфичную сферу функционирования: (1) *Кам*
’Кама’; (2) *Кам шур* ’река Кама’; (3) *Кама* ’Кама’; (4) *Кама*
шур ’река Кама’; (5) *Тӧдӧы Кам* ’Белая Кама’ и (6) *Тӧдӧы Ка-*
ма ’Белая Кама’ (правда, последние два сочетания не всегда
обозначают собственно Каму).

6.1. Гидроним Кам – исконно удмуртское

наименование этой реки и очень часто употребляемое в про-
зе и поэзии как общеизвестный гидроним. В прозаических и

песенных текстах *Кам* (иногда его производное, напр.: *Кам-дур*) может употребляться (1) как имя существительное собственное, которое, находясь в форме именительного и косвенных падежей или в сочетании с различными послелогам, выступает в функции *подлежащего*, *дополнения* и *обстоятельств места*; или же, будучи одиночным или в сочетании с послеложными основами, является (2) *определением*, напр.:

(1) (подлежащее) *Їыдонтэм чебер быдзьым Кам – Урал гурезьлэн кыдёкысь нёжалъёстйз но тыбырес выръёсты котыръяса бызись шур* [Дауръёс пыр 1997: 41]. 'Невыразимо красива великая **Кама**, протекающая, кружась, по дальним долинам Уральских гор и холмистым равнинам'.

(дополнение) *Камез? Ха-ха-ха! Вот паймон, Камез учке со, – дорам ик шоналляськыса серекъя та пи... – Камез учкытозь, лык-ай дорам юрттыны, мыным эш луод, умойгес луоз тыныд но, мыным но<...>* (Ф. Кедров. Бырьем произведениос, 164). 'Камои? Ха-ха-ха! Вот умора, **Камои** она любит, – качаясь прямо возле меня, смеется этот парень... Чем смотреть **на Каму**, подойди-ка ко мне на помощь, было бы лучше и тебе, и мне<...>'. *Нош сюлэм. Со малпа пужымо Камдурез, Ѕег пёлысь лызйырлэсь со мёзме та жёситэ* (П. Поздеев. Пицундаын вордскем чуръёс // Кенеш. – 2000. – №. 7. – С. 27). 'А сердце. Оно думает о **Прикамье** с соснами, И по василькам во ржи оно скучает в этот вечер'.

*Камез уяса потыны
Капчи, векчи пыж кулэ.
Бай пиосын кушласькыны
Бай анай-атай кулэ.
(Ганькова 2015: 292)*

'Чтобы **Каму** переплыть,
Легкая, тонкая лодка нужна.
Чтобы сдружиться с богатыми парнями,
Богатые родители нужны'.

(обстоятельства места) *Гаян огназ Кам кузя мынэ* (М. Коновалов. Гаян, 167). 'Гаян идет один вдоль по Каме'. *Арня нунальёсы Сарапул калык яратэ шуур дуре кыстйськыны, уноез, катере пуксьыса, Кам тупала пото пикнике, визнаны, чорыглым сиыны* (М. Лямин. Шудбур понна 2, 94). 'По воскресным дням сарапульцы любят тянуться к реке, многие, сядя на катера, отправляются **на ту сторону Камы** на пикник, на рыбалку, есть уху'. *Собере гинэ мадёз, кытысь но кытысь соос доры вуозы нюлэсьёс: Пермь но Коми музъемёсысь, кыдёкысь Сибирьысь яке Урал гурезьёсысь, башкорт шаерысь, Кам йылысь но Ватка котырысь* (Е. Самсонов. Нырысетй гудыри, 9). 'Лишь потом он расскажет, с каких мест придут к ним леса: с пермских и коми земель, из дальней Сибири или с Уральских гор, из башкирских земель, с **верховьев Камы** и Вятского края'. *Тйни озьы Даша вуттйськиз Кам палозь* (А. Комаров. Юриськем музьем, 34–35). 'Вот так Даша добралась **до Камских краев**'.

Бадъым сюрес'ёслэн тузонэз

Каме ке усе луо луэ.

Атай юртысь потэм бере,

Милемлы атай кин луоз?

[Укк. 1936: 45]

'Пыль с большаков, оседая **в Каме**,

Песком станоаится.

Коли мы ушли из отцовского дома,

Кто для нас отцом станет?

Сьод эмезез яратйсько,

Кам сьёры выжтйсь өвёл.

Йёно муртлы вожъяськисько,

Аслам визь-кенъыр өвёл.

(Ганькова 2015: 293)

'Ежевику я люблю –

[Только] некому переправить меня **за Каму**.

Завидую степенным людям,
Но у самой ума-разума нет’.

*Тулъс васьки **Кам дуре**,
Жож сюлэмме буйгатй<...>*

(Д. Майоров. Быръем произведениосыз, 82).

*’Весной спустилась к [берегу] **Камы**,
Печальную душу свою отвела<...>’.*

(2) (определение) *Нош со шурын, **Кам** вуын, Зарниен
жъуась чорыг, Азвесь пенькыли, улэм* (А. Перевозчиков. Дон-
ды батыр, солэн пиосыз но Уйпери сярысь кузьмадѣс-кыр-
зан, 18). *’А в реке той, в камской воде, Сверкающая золотом
рыбка, Серебряная рыбка-малек жила’. Со пилемъѣс пыртй
Кам пал музьем вылэ Котьку ик яркытэн пишитйсь горд
шундылэн Улон сѣтйсь тылыз гужем но ляб вуэ* (И. Гаври-
лов. Люкам сочинениос I, 108). *’Сквозь те тучи На Прикам-
скую землю Свет постоянно ярко светящего Красного солн-
ца, Дарящего жизнь, и летом доходит с трудом’. Жеч но бур,
Кам дур город Сарапул! (Г. Сабитов. Яратйсько, 107). ’Здрав-
ствуй, прикамский город Сарапул!’ «Бертоно шат, калык
бертэ ук...» – понназ малпаськыса берга со [Марина] **Кам** ду-
ре кӧня ке кылем адямиос пӧлтй<...>» (С. Самсонов. Кам вадь-
сын гудырья, 123). *’«Домой что ли идти, народ ведь ухо-
дит...» – размышляя про себя, крутится она [Марина] среди
людей, в небольшом количестве оставшихся на камском бе-
регу’. Со [Аза] кырзак, тылобурдоос чалмытско, **Кам** визыл
быземысь дугдэ<...>» (Е. Самсонов. Нырысетй гудыри, 10).
’Когда она [Аза] поет, птицы замолкают, камское течение
прекращает свое движение<...>’. Нуназе пал соос доразы вал
ини. Колялэн мылкыдыз туннэ шулдыр. Песянаезлы вераз **Кам-
лэн** пасьталаез но чеберез сярысь, жсужыт гурезьѣс, пӧртэм
сяськаос, бубылиос сярысь* (В. Туганаев. Коля тодэ 50 будо-
сэз, нош тон?, 15). *’Ближе к обеду они были уже дома. На-
строение Коли сегодня веселое. Он рассказал бабушке о шири-**

не и красоте **Камы**, о высоких горах, разнообразных цветках,
о бабочках’.

*Узыен но борыед **камдур** емыш, —
Али ке ём сие, ку сиом?
Ортчоз, быроз пинал дауред,
Али ке ём тодмаське, ку тодматском.*
[Укк. 1936: 53]

’Земляника-то с клубникой – **прикамские** ягоды,—
Если не сейчас, когда поедем?
Уйдет, пройдет молодость-то,
Если не сейчас, когда познакомимся?’

*Бадзым гурезь йылэ туби,
Адзи паськыт **Кам** вуэз.
Туннэ ньыль сю культю думи,
Тузй колхозлэн юэз.*
[Укк. 1936: 148]

’Поднялась на большую гору,
Увидела широкую **камскую** воду.
Сегодня четыреста снопов связала —
Прекрасен колхозный хлеб’.

***Кам** шашы кадь йырсие вал,
Тёл’я бур’я быроз дыр.
Сьёд сутэр кадь син’ёсы вал,
Пёсь синкыли вандоз дыр.*
[Укк. 1936: 43]

’Как **камская** осока, были волосы мои,
Пропадут, развеясь по ветру.
Словно черная смородина, глаза были,
Пропадут от рези горячих слез’.

***Камдур** шашы кадь йырсие вал,
Чик төл тугатэк погралоз<...>*
[Жинг. удм. к. 1960: 184]

’Словно **прикамская** осока, были волосы мои,
Нетронутые ветром, сникнут они’.

Порою удмуртский гидроним *Кам* выполняет в предложении свою атрибутивную функцию, будучи в форме имени прилагательного, образованного с помощью заимствованного из русского языка суффикса *-ской*, напр.:

*Казаньысен со [Короленко], «Волжской Вестник» газетлэн редакциысьтыз «Мултан уж» сярись гожъям номерьёсты басьтыса, **камской** пароходэн Елабугае кошкиз* (М. Петров. Вуж Мултан, 241). ’Из Казани он [Короленко], захватив из редакции номера газеты «Волжский Вестник» со статьями о «Мултанском деле», на **камском** пароходе отправился в Елабугу’. *Соколкысен Суходоев, эшъясьныз люкиськыса, **камской** пароходэн берен Елабугае кошкиз* (М. Петров. Вуж Мултан, 271). ’Из Соколов Суходоев, распрощавшись с друзьями, на **камском** пароходе отправился обратно в Елабугу’.

6.2. Название *Кам шур* представляет собой

сочетание нарицательного слова *шур* ’река’ с собственным наименованием в качестве приложения к нему, и встречается оно преимущественно в авторских произведениях удмуртских писателей, хотя иногда не чужается его и народная поэзия, ср.:

*Тулкымъяськыса-тулкымъяськыса бызе паськыт **Кам шур**⟨...⟩* (М. Коновалов. Гаян, 167). ’Волнами-волнами течет широкая **река Кама**⟨...⟩’ *Бондюжской завод съёрысь гурезь йылысен **Кам шур** паськыт аджиське⟨...⟩* (Ф. Кедров. Бырьем произведениос, 163). ’С вершины горы за Бондюжским заводом **река Кама** кажется широкой⟨...⟩’. *Одйг гужем, атаезлэсь косъяськемзэ быдэсьякуз, **Кам шур кузя** пароходэ пуксьыса, со [Александр Герасимович] Пермь пала шонтйз*

(Е. Самсонов. Нырысетй гудыри, 9–10). 'В одно лето, выполняя поручения своего отца, он [Александр Герасимович] сел на пароход и **по реке Каме** махнул в сторону Перми'. *Петя шыпак кариськиз. Ас пинал визьмыныз малпаськиз: кыёе нош со – Кам шур<...>? Куд кузьда но ма пасьта, кыёе мурдалаё меда со?* (С. Самсонов. Кырзась мурт шудо, 362). 'Петя замолчал. Он своим детским умом задумался: а какова она – **река Кама<...>**? Какой длины и ширины, какой же глубины она?' *Со шуръёсмы гурт пумын пумисько но туж кема адзись-кылымтэ эшгёс сямен зыгырскыса, лопшаса Кам шурозь вую* (П. Кубашев. Габи Ладёк, 3). 'Те наши реки в конце деревни встречаются и, обнявшись, словно давно не повидавшиеся подруги, воодушевленные, доходят до **Камы реки**'. *Кам шурез чыпыны, пе, дасясько. Электростанция пуктыны малпало, лэзя* (Н. Белоногов. Азёло но берло, 206). '**Реку Каму**-де готовятся запрудить. Электростанцию, кажется, задумали построить'. *Волга но Кам шур кузя ветлйсь баржаос Астрахань но Сталинград улосъёсысь арбузьёсты вуттылйзы. Гужемлэн берпум толзъысеныз музъем кынмытозь* (А. Матвеев. Выжы ке юн, писпу но йён, 44). 'Баржи, плавающие по Волге и **реке Каме**, доставляли арбузы с Астраханской и Волгоградской областей. С последнего месяца лета до заморозков'.

*Татысь нош поездъёс
Рельса сюресъёстй
Кам шур доры ворто
Койтыл кадь коръёсты.*

(И. Зорин. Мон тонэ гажай, 28)

'А поезда отсюда
По рельсовым дорогам
Возят к **реке Каме**
Стройные, как свечки, бревна'.

*Кам шурлэсь но уно кисьтйськиз
Калыклэн со нунал синвуэз.*

(И. Гаврилов. Люкам сочинениос I, 92)

'Больше, чем [воды] **реки Камы**,
Лились слезы народа в тот день'.

*Кам шур вылын тӧдӱы маке,
Со ву шуку ӧвӧл-а?
Ужмы туж дыг, кин-о мытэ?
Кулакӱсмы ӧвӧл-а?
[Укк. 1936: 150]*

’**На реке Ка́ме** нечто белое,
Не пена ли это на воде?
Дела у нас не ладятся, кто мешает?
Не наши ли кулаки?’

*Кам шур кузя эн ветлэлэ –
Вылады чипей тэтчоз.
Арганчиез эн яратэ –
Возьытэ гинэ вуттоз.
(Ганькова 2015: 115)*

’Вдоль по **реке Ка́ме** не ходите –
Щука на вас прыгнет.
В гармониста не влюбляйтесь –
До позора доведет’.

6.3. *Кама* – это русифицированное название

рассматриваемой реки, которое иногда встречается и в авторских – чаще в прозаических, нежели в поэтических – произведениях удмуртских авторов, в народной же поэзии пока мне не удалось его найти. Такая форма наименования данной реки нередко употребляется в описаниях местности и придает тексту определенный стиль книжности и русифицированности, или является излюбленной в письменной речи отдельных писателей (в частности, Е. А. Самсонова):

*Бен, Волга но **Каматэк** уз лу чебер,
Волгамытэк нош **Кама** но ӧвӧл.
(Ф. Васильев. Кылбурӱс, 63)*

’Да, без **Камы** и Волга не красива,
Без Волги и **Камы** нашей нет’.

*Иж шурлэн **Камае** усён вожаз вуыку, Иванлэн малпанэз одйг луиз: ку вуоз родной городаз (М. Лямин. Шудбур понна I, 211). 'Когда подъезжали к месту впадения реки Иж в Каму, у Ивана была лишь одна мысль: когда он прибудет в свой родной город'. – <...> **Чем гинэ Кама дуре** но вуылэ. Отын стерлядь чорыг вань. – Стерлядь шуиськоды? Туж усто чорыг со! (Т. Архипов. Лудзи шур дурын II, 94). 'Частенько приходит и к **Камае**. Там есть рыба стерлядь. – Стерлядь, говорите? Преотличная это рыба'. **Сыче вакытэ Камалэн** паллян пал дураз егит Горд Армия секытэсь оборонительной ожмаськонъёс нуиз. Матэ но матэ вуизы пушкаослэн гудыръям куараоссы. Тушмон аяз ушпум пуктйз: **Кама** выр-землэсь азьло солэн бур пал ярдураз выжыны (С. Шихарев. Тае ум вунэтэ, 72). 'В такую пору на левом берегу **Камы** молодая Красная Армия вела тяжелые оборонительные бои. Все ближе и ближе становился грохот пушек. Неприятель поставил перед собой задачу: до разлива **Камы** перебраться на правый ее берег'. ...**Тубе пароход Кама вылтй** (В. Широбоков. Мынам республикае, 66). 'Поднимается пароход **по Камае**'.*

***Кама** кузя ортчись пароходлэн кеськемез кужмо чузь-ьяське. Шур вылтй вёлскыса, бадзым нюлэс шоры со куара ышиз (Е. Самсонов. Арама кузя, 45). 'Громко раздается гудок проходящего **по Камае** парохода. Распространяясь по-над рекой, тот гудок растаял в большом лесу'. Солэн шудэмяз быдэс котыр огазеяськиз кадь та гурен: кыдёкысь толэзь но, нырулйсь нюлэс но, каллен бызись **Кама** но, матын сикын кырзась тылобурдоос но, коръёс вёзын лысвуэн чеберскем зангари сяьска но. Крезьгур вераз пересьлэсь малпанъёссэ, орчем сюрессэ (Е. Самсонов. Арама кузя, 49). 'От его игры будто вся окрестность слилась с этой мелодией: и далекий месяц, и дремлющий лес, и медленно текущая **Кама**, и птицы, чирикающие в ближайшем лесу, и василек возле бревна, украсившийся росой. Музыка поведала раздумья старика, пройденный им путь'. **Кама** но Ватка шуръёс котырын кыс-тйськись нюлэсьёсысь Вязьминъёсыз тужгес но синмаськы-тйзы веськрес пужымъёс (Е. Самсонов. Нырысетй гудыри, 8). 'В лесах, которые раскинулись вокруг рек **Камы** и Вятки, особенно приглянулись семье Вязьминых стройные сосны'.*

6.4. *Кама шур 'река Кама'* –

весьма редкое в удмуртских текстах сочетание; в моей компьютерной картотеке к настоящему моменту оказался всего лишь один пример – из произведения Е. А. Самсонова:

– *Россилэн самой шор люкетаз, Волга но Урал кустын, Кама шур кузя пичи гинэ зарни сюлэмо калык интыяськемын. Солэн лыдыз миллион но өвёл. Россиын милям шуо: мыскал пичи ке но – дуно. Нош удмуртъёс ас сяменызы ватсасалзы: зарни пичи ке но, дуныз бадӟым* (Е. Самсонов. Тулыс ӥкна, 166). – В самой центральной части России, между Волгой и Уралом, вдоль по **реке Каме** проживает небольшой народец с золотым сердцем. Его численность и до миллиона не доходит. У нас в России говорят: мал мискаль, да дорог. А удмурты добавили бы по-своему: золото хоть и мало, да дорого стоит’.

6.5. *Тӧдӧы Кам 'бӧльый Камь'* –

именно так переводит Б. Гаврилов это излюбленное удмуртское сочетание, встречающееся не только в собранных им у казанских удмуртов народных четверостишиях, но и весьма часто в произведениях различных жанров и видов – народных песнях и частушках южных удмуртов, авторской поэзии и прозе и пр.:

*Тӧдӧы Кам дурысь палэзез
Кин, бен, шу шуса бичалоз?
Мурт дуннее кошкем бере,
Кин „тон мискинъ“ шуылоз?*
[Укк. 1936: 45]⁹

⁹ Это четверостишие, как мне представляется, было заимствовано из книги Т. Борисова «Песни южных вотяков» [1929], предположительно оттуда (из сборника [Укк. 1936]) попало в книгу Л. Ганьковой под благовидной “легендой” *алнашской частушки*, якобы записанной лично ею самой (или ошибаюсь?), ср.:

’Рябину с берегов **Белой Камы**
Кто ж соберет, приняв за калину?
Коль уехал на чужбину,
Кто ж тебе скажет “бедненький”?’

Төдбь Каме майтал куштй
Уг но йсуты, мед выёз.
Чебер пилы синмаськи вал,
Уг но малпа, мед вуноз.
(Ганькова 2015: 154)

’В **Белую Каму** мыло бросила,
И не подниму [его], пусть потонет.
В красивого парня я влюбилась,
И не буду думать, пусть забудется’.

Төдбь Камлэсь пасьталазэ
Мон ноку но ой мерта.
Тазьы мōзмыса улонэз
Мон ноку но ой малпа.
(Ганькова 2015: 11)

’**Белой Камы** ширину я
Никогда не измеряла.

Төдбь Кам дурысь палэзез,
кинь бон шу шуса бичалоз?
Мурт дуннее кошкем бере,
кинь „тон мискинъ“, шуылоз?

’По бережкам белой Камы кто рябину собирает за калину? Если уйдешь в чужие края, кто тебе: «ты бедненькая», скажет [Борисов 1929: 69].

→ → *Төдбь Кам дурысь палэзез*
Кин шу шуыса бичалоз?
Атай юртысь потэм бере
Кин «мискинъ пие» шуоз?
(Ганькова 2015: 54)

’Рябину с берегов **Белой Камы**
Кто ж соберет, приняв за калину?
Коль ушел из отцовского дома,
Кто скажет “бедненький сынок”?’

Что жизнь будет такой грустной,
Никогда я не думала’.

*Төдбү Кам! Яратско мон тонэ,
Тон сярысь нырысез веранэ.*
(И. Гаврилов. Люкам сочинениос I, 89).

’Белая Кама! Люблю я тебя,
О тебе мой первый сказ’.

*Мон лыктій Төдбү Кам шаерысь,
Янтамыр мон, удмурт выжсысь.*
(И. Гаврилов. Люкам сочинениос I, 98)

’Прибыл я из земель Белой Камы,
Янтамыр я, из удмуртского рода’.

*«Төдбү Кам зарезьлэсь паськытгес,
Муское сюреслэсь но кузьгес,
Пыдэсыз татчыозь мертамтэ,
Нош вуэз тэльёсты пылатэ<...>»*
(И. Гаврилов. Люкам сочинениос I, 65).

’«Белая Кама шире, чем море,
Длиннее, чем путь до Москвы,
Глубину ее никто не измерил,
А вода орошает леса»’.

<i>Төдбү Кам дурысь чукнал Италмас-а тон?</i>	’Италмас ли ты утренний С берега Белой Камы?
(А. Титов. Беромем гыр- лыос, 41).	

<i>Төдбү Кам, Чупчи, Вало... Та шуръёс сярысь ялан Кырзало но верало Уй палан, лымиор палан.</i>	’Белая Кама, Чепца, Вала – Об этих реках, не смолкая, И поют, и сказывают, Что на севере, что на юге’.
(А. Леонтьев. Улом али, 177)	

6.6. *Төдбь Кама* 'Белая Кама' –

в моем распоряжении имеется в настоящее время один-единственный пример, извлеченный из стихотворения Ф. И. Васильева; да и здесь форма *Кама* в рассматриваемом сочетании употреблена, как мне кажется, лишь в “стихотехнических” целях – для сохранения ритмики поэтического произведения:

⟨...⟩*Тудвуэн төдбь Кама* *выллем,*
Сюлэмы шудбурен пылаське
(Ф. Васильев, Кылбурьёс, 143).

'Словно **белая Кама** – половодьем,
Сердце мое обливается счастьем'.

7. Еще раз хотелось бы акцентировать внимание

на двух аспектах в употреблении многообразия удмуртских наименований реки Камы в текстах различного жанра и стиля:

1) формы *Кам* и *Төдбь Кам* весьма часты в народных песнях. Так, лишь в книге Б. Гаврилова «Произведения народной словесности...» из 216 четверостиший 6 содержат гидронимы – *Төдбь Кам* (5 раз) и *Кам* (1 раз), в то время как формы *Кам шур*, *Кама*, *Кама шур*, *Төдбь Кама* вообще не отмечены. Аналогичная “статистика” (если можно так выразиться), по всей вероятности, характерна и для собрания удмуртских четверостиший, изданных другими исследователями – Б. Мункачи [Munkácsi 1887; 1952], Ю. Вихманном [Wichmann 1893], Р. Лахом [Lach 1926], И. В. Яковлевым [Удморт кырзанъёс 1905; Удмурт кырзанъёс 1919], Т. К. Борисовым [1929] и др.;

2) синонимичность всех этих наименований Камы подтверждается тем, что они, имея одну и ту же семантику, но различаясь лишь в стилистическом отношении, способны употребляться в качестве синонимов в ближайшем контек-

сте (в небольшом тексте автора, одном абзаце или даже в одном и том же предложении), ср., напр.:

(**Кам ~ Кам шур**): – *Кыдѣкысь, Вишур кенак, Кам дурысь, отын ужасько. – Э-э, кылэме вань, пие, Кам шур сярись, – вераськонзэ нош ик секыт кызонзэ куспетій уриз* (Ф. Кедров. Бырьем произведениос, 164). '– Издалека я, тетушка Вишур, с берегов **Камы**, там тружусь. – Э-э, слыхала я, сынок, о **реке Каме**, – ее речь снова оборвалась тяжелым кашлем'.

(**Кам ~ Кама**): *Адямиос, кужмоесь экскаваторъёсын, самосвалъёсын лыктыса, Воткинск палтй **Камаез** ёсужыт плотинаен кортнаны тыршо. Ёжатскозы **Кам** тылъёс – шаермы юг-юг тылъёсын ворежьялоз* (В. Широбоков. Мынам республикае, 7). 'Люди, прибыв с мощными экскаваторами, самосвалами, стараются обуздать **Каму** со стороны Воткинска высокими плотинами. Загорятся огни **Камы** – наш край будет сверкать яркими огнями'. *Мадьяров сое **Кам дуре** нуыны малпаз. Аслаз но мынэмеэ потэ вал уго: туэ гужем ёз ветлы на. <...> **Камалы** матэктэмзэс Павел Игнатъевич анласа но ёз вутты: ёсужытэсь ярдуръёсыз но, гурезьёсыз но ёвёл уго та палтй, нош сюрес ялан нялмыт выллане тубе* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь, 172). 'Мадьяров решил отвезти его **к Каме**. И самому ведь хотелось поехать: нынешним летом еще не бывал [там]. Павел Игнатъевич и не заметил, как приблизились **к Каме**: и высоких берегов, и гор не было ведь в этих местах, однако дорога постепенно полого поднимается вверх'. *Кедра ягез кытчы кароды? **Кам** улосысь возж инзы кадь шапыксэ но тус-тас карыны сётоды шат? А? Малы ке но решение шуонады та яг сярись одйг кыл но поттэмын ёвёл* (Е. Самсонов. Тулыс ёкна, 72). 'Куда денете кедровый бор? Разве дадите на разор и эту, похожую на зеленую жемчужину, капельку **Камского** края? А? Почему-то в вашем так называемом решении ни слова не сказано об этой роще'. *Иське, Зарйылысь но **Кам** улосысь одйгез ке но сэре-*

гез азьвыл сямен улэн кылёз (Е. Самсонов. Тулыс ёукна, 73).
'Значит, в [деревне] Зарыйл и в **Прикамском** крае хоть один из уголков останется, как и прежде, нетронутым'. ~ – *Нош Кама улосамы вьль ёнерчиослэн вуэмзылы шум гинэ потоно, соос сярись асьмелы сюлмаськоно, котьмаин юрттыны тыршоно* (Е. Самсонов. Тулыс ёукна, 73). '– А приезду в **Прикамский** край новых специалистов надо лишь радоваться, нам необходимо заботиться о них, оказывать помощь во всем'.

(**Кам шур ~ Кама**):

*Тон вылтй нюлэс ваське,
Пароход шулдыр кеське.
Калыклэн шумпотонэз,
– Дуно **Кам шуры**!*

*Озыы дунъяло удмуртъёс асьсэлэсь шурызэс. Бабылес
воз садъёс пöлысь зарни крезен шудэм кылйське. **Кама** сое
апаез доры вуттэ* (В. Широбоков. Мынам республикае, 70).

*'По тебе сплавляется лес,
Пароход дает сигнал.
Гордость ты народа,
Дорогая **река** наша **Кама**!*

Так славят удмурты свою реку. В кудрявых садах раздается перезвон золотых гуслей. **Кама** доносит его до своей старшей сестры [Волги]'.
(В. Широбоков. Мынам республикае, 70).

(**Кам шур ~ Тöды Кам**):

*Пичи ныл, пичи ныл **Кам шурын** пылаське,
Шундые зымылэ, шундыен пазяське,
Уйылэ но веша ерпечка тулкымеэ,
Тöды Кам мусоя, нуныя нылашеэ
(В. Романов. Покчи гужем, 73).*

*'Девочка, девочка в реке **Кама** купается,
В солнце ныряет, солнцем плещется,
Догоняет и ласкает шалунью-волну,
[А] **Белая Кама** девочку нежит, ласкает'.*

И др.

8.1. В гидрониме *Тöдбы Кам* слово *тöдбы*

это не просто эпитет, обозначающий цветовой признак воды в реке Каме; оно в сочетании с нарицательным словом *кам* (или с собственным названием реки Камы?) исторически служило для наименования другой реки – Белой (*Тöдбы Кам*); в ее бассейне до прихода тюркского населения – предков башкир – некогда обитали древнеудмуртские племена: ананьинские (VIII–III вв. до н. э.), позднее пьяноборские (III в. до н. э. – II в. н. э.), бахмутинские (мазунинские) (III–VII вв. н. э.), которые и дали реке Белой название *Тöдбы Кам* ‘Белый Кам’¹⁰. Тюркские названия этой реки, крупнейшего притока р. Камы, – башкирское *Агизель* и татарское *Агидел* (букв. ‘белая река’ < *ак* ‘белый’ + *изел* ~ *идел* ‘река’; и далее → ‘Волга’) – были скалькированы с древнеудмуртского оригинала. Русское наименование – река *Белая* (в летописях: *Белая Воложка*), – по всей вероятности, было заимствовано из башкирского языка, поскольку к приходу русских на р.

¹⁰ *Белая* – река на южном Урале и в Предуралье, левый приток Камы. Длина – 1430 км., площадь бассейна – 142 000 км² [БЭС I 1991: 119; БСЭ 3 1970: 287]. Имеется ряд предположений о происхождении данного гидронима, в частности: 1) “мифо-поэтическая” гипотеза (на территории современного Башкортостана, помимо р. Белой, есть еще ее приток *Караизель*, т. е. “Черная река” (иное название: река Уфа). “Такое противопоставление, возможно, обусловлено тем, что Белая течет с юга – со светлого полудня, а Караизель – с севера, с черной полуночи” ([Супруненко, Супруненко 2004: 79]; см. также: [Поспелов 2001: 59]); 2) “геолого-географическая” (по объяснению В. А. Никонова [2018: 170], эта-де река образуется “от таяния горных снегов в противоположность рекам с грунтовым питанием”, вследствие этого последние несут в себе грязь; см. еще: “Питание главным образом снеговое” [БСЭ 3 1970: 287]). А. К. Матвеев к этому добавляет: “воды Белой, быстрой реки, текущей меж высоких гор Южного Урала чуть светлее, чем воды Уфы” [Матвеев 2008: 35].

Белую удмуртского населения там уже не было. Вероятно, через башкирское посредство название этой реки – *Ош Виче* – проникло и в марийский язык [Атаманов 1988: 139–140; 1997: 216; Атаманов-Эграпи 2015: 352–353].

Ведь не случайно же историки, пишущие на удмуртском языке, в одном контексте никогда не смешивают удм. *Кам* (современное поэтическое *Тӧдӧы Кам*) (рус. р. *Кама*), с одной стороны, и удм. (историческое) *Тӧдӧы Кам* (рус. р. *Белая*), – с другой, ср.:

“Асьме эралэсь 300 ар <...> азьло ананьинской культура люкиське кык люкетлы: Кам, Тӧдӧы Кам, Ватка Кам шуръёс кузя улӥсь выжыосмы кылдыто пьяноборской, нош Печора, Вычегда, Сысола, Камлэн кутсконаз улӥсьёс – гляденовской шуон культураосты. Нырысетӥосыз бордысь потӥз удмурт калык, нош гляденовецъёслэсь кутске коми калыклэн историез” [Атаманов 1997а: 7]. (‘За 300 лет до нашей эры ананьинская [археологическая] культура делится на две ветви: наши предки, насельники [территории] по рекам **Каме**, **Белой** и Вятке, образуют пьяноборскую культуру, а жители [басейна] рек Печоры, Вычегды Сысолы и истока Камы – так называемую гляденовскую. От первой возник удмуртский народ, от гляденовцев же начинается история коми народа’);

“Асьме вапумысь II даурысен финн-пермь дуннеын улӥсьёс каньылля но пичиен-покчиен асэстыны ӧдъяло ини Кам шурлэсь вайёссэ: Сиваез, Тоймаез, Ижесз, Тӧдӧы Камлэн шор но уллалпал ӧръёссы валлин улыг интыосты” [Дауръёс пыр 1987: 47] (‘Начиная со II века нашей эры представители финно-пермян постепенно начинают уже осваивать низинные места по притокам реки **Камы**: Сивы, Тоймы, Ижа, среднего и нижнего течения реки **Белой**’);

“Азелинъёс – финн-пермьёс ик. Вятка вылэ соос Кам дурьысь лыктыса интыяськиллям Тӧдӧы Камлэн но Камлэн уллалалысьтызы” [Дауръёс пыр 1987: 47] (‘Азелинцы – финно-

пермяне же. Они переселились на Вятку с берегов **Камы**, с нижнего течения [рек] **Белой** и **Камы**').

И пр.

В поэтическом гидрониме *Төддьы Кам* 'Белая Кама', некогда перенесенном переселенческим прибельским удмуртским населением с реки *Белой* на реку *Каму* и ассоциируемом ныне как поэтическое наименование последней, эпитет *төддьы* 'белый' воспринимается некоторыми современными удмуртскими прозаиками не как составной элемент цельного (слитного) поэтического наименования реки Камы¹¹, а как обычное определение ее. При этом неустойчивость, незакрепленность определения *төддьы* в отношении к гидрониму *Кам(а)* усиливается еще и тем, что в ближайшем контексте рядом с сочетанием *төддьы Кам* имеются еще и наименования различных рек Удмуртского края с непостоянными (нефразеологизированными) определениями типа: *паськыт* 'широкий', *лыз* 'синий' (относительно Камы), *чебер* 'красивый', *чырткем* 'резвый', *дыртйсь* 'торопливый', *чагыр* 'голубой' (соотнесенные с другими реками) – ведь не случайно же имя прилагательное *төддьы*, как и перечисленные выше другие обычные определения, пишется (кроме как в начале стихотворной строки) со строчной буквы, ср.:

Пыр төддьы етйн дэралэсь кыскем куинь бадзьымесь төлпооссы, шунды инльёльыресэн вореkjяса, дыз Камаын пишто (Е. Самсонов. Нырысетй гудыри, 10). 'Три больших паруса, натянутые из снежно-белой льняной холстины, сверкая в розовых лучах солнца, отражаются на синей Камае'.

*Талан малпаз со эрикме,
Кыйчесало, пе, весь ваньмес:*

¹¹ "Фольклорный образ *Төддьы Кам* 'белый Кам' некогда служил для обозначения реки Белой" [Атаманов 1988: 139; Атаманов-Эграпи 2015: 352].

*Медаз ни жилььрты Вало,
Паськыт Камез но пожнало.
(В. Михайлов – Уд. 20.06.2007, 7)*

*’Задумал он отнять мою свободу,
Надену-де петлю на всех вас,
Пусть не журчит [река] Вала,
И широкую Каму обуздаю’.*

*Шулдыресь арамаостій, сикъёстїй, бусыостїй позыръясъ-
кыса-позыръясъкыса визылало тöдды Кам но чебер Чупчи,
чырткем Вало но дыртїсь Лоза, бызё но ас сьöразы трос
пичи сузэръёссэс кыско (В. Широбоков. Мынам республикае,
6–7). ’По красивым рощам, лесам, полям, извиваясь, текут
белая Кама и красивая Чепца, резвая Вала и торопливая Ло-
за, бегут и тянут за собой множество своих сестер’.*

*Тöдды Камлэн тулкымъёсыз вылын-а,
Чагыр Чупчи яке Вало дурын,
Жар кезытэн-а я гужем шорын-а,
Мар нуналэ меда, кы́е арын –
Ку нырысьсэ, кытын пумиськизы
Жучъёс удмуртъёсын?
(Д. Яшин. Мынам сюлмаськонэ, 31)*

*’На волнах ли Белой/белой Камы,
Иль на берегах голубой чепцы и Валы,
Студеной ли зимой или посре́дь лета,
В какой же день какого года
Когда и где впервые встретились
Русские с удмуртами?’*

Неоднозначное и противоречивое отношение к статусу имени прилагательного *тöдды* как к устойчивому составному компоненту названия реки *Тöдды Кам* ’Белая Кама’ или как к заурядному определению к гидрониму *Кама*, проявляется не только в произведениях разных авторов, но в различных текстах одного и того же писателя. Так, если в своей по-

вести «Кам вадьсын гудыръя» С. А. Самсонов, выражая через размышления маленькой девочки некоторую (даже если и мнимую) (1) реальность определения *тöдды* 'белый' по отношению к реке *Кам(а)*, то словами персонажа иного произведения («Выжыкыл öвöл та») (2) роняет в сознание читателя искру сомнения в том, действительно ли вода в Кам(е) является “белой” (т. е. светлой, прозрачной) – в обоих случаях определение *тöдды* написаны с прописной буквы, ср.:

(1) *Ваньмыз валамон: папаеныз со ноку уз адскы табере, пыдэстэм тöдды Кам сое воксёлы ныылоз...* (С. Самсонов. Кам вадьсын гудыръя, 120). 'Все ясно: она теперь никогда не увидится с папой, бездонная белая Кама навсегда проглотит его...' ~

(2) *Туж-а меда кузь та тöдды Кам но? Малы со тöдды, кытын тöдды?.. Сарапул дорын со пеймыт-лыз* (С. Самсонов. Выжыкыл öвöл та, 28). 'Уж очень ли длинна эта белая Кама? Почему она белая, где белая?.. Возле Сарапула она темно-синяя';

Другие авторы, воспринимая *тöдды* в сочетании *Тöдды Кам* как некую условность, считают, что не только сама Кама, но и все, что связано с ней или хотя бы имеет какое-либо отношение к ней (и волны, и пароход...), непременно должны быть или казаться(!) белыми, ср.:

Тöдды сьöдэктэ. Тöдды сяська төлзе. Тöдды лымы вулы пöрме. Тöдды Кам но тöдды дунне тöдды ик кылё (У. Бадретдинов. Чүшгял вордйське веньёстэк, 186). 'Белое чернеет. Белый цветок осыпается. Белый снег превращается в воду. Лишь Белая Кама и белый свет остаются белыми (светлыми) же'.

⟨...⟩*Тöдды тулкым сыр лэйкамъя
Камын төдь пароход уяз.*
(В. Михайлов – Уд. 20.06.2007, 7).

'Качаясь в такт белым волнам,
В Каме плавал белый пароход'.

Перенос названия одной реки на другую в связи с перемещением населения, обитавшего в их бассейнах, явление известное. Не случайно казанские удмурты, в особенности носители кукморского говора, в настоящее время называют *Кам* реку Вятку – самую большую реку, протекающую поблизости к ним.

8.2. В зависимости от места и времени записи

различными учеными четырехстрочных песен казанских удмуртов сочетание *Тӧдӱы Кам* (или *Кам*) в конце XIX – середине XX столетия могло фигурировать как *нарицательное словосочетание* с семантикой ‘светлая река, прозрачный поток’, с одной стороны, и как имя собственное – *название конкретной реки*, – с другой. Однако даже при последнем раскладе оно могло быть соотнесено с тремя различными реками: (1) *Камой*, (2) *Вяткой* или (3) *Белой*, что может быть уточнено в настоящее время не столько по контексту, сколько лишь по указаниям самих собирателей и/или по их переводам песни (ее варианта).

8.2.1. Так, к примеру, Б. Гаврилов,

переводя сочетание *Тӧдӱы Кам* в 4 случаях относительно “нейтрально” как (1) ‘*бѣлый Камъ*’ (т. е. р. *Кама*), в одном четверостишии вдруг да и указывает на (2) реку *Вятку*¹², ср.:

(1) *Тӧы кам бусэд усьтоџ* [Гавриловъ 1880: 24] ‘пока не спадеть туманъ на **бѣлый Камъ**’ [Гавриловъ 1880: 92];

Тӧы Кам куџся камыџџ [Гавриловъ 1880: 29]; ‘въ камыши къ (рѣкѣ) **бѣлому Каму**’ [Гавриловъ 1880: 95];

Тӧы кам вамэн потыны [Гавриловъ 1880: 35] ‘Чтобы перейти через **бѣлый Камъ**’ [Гавриловъ 1880: 100];

¹² *Вятка* – река в Европейской части СССР (РФ), правый приток Камы. Длина – 1314 км., площадь бассейна 129 000 км³ [БЭС I 1991: 262].

Тӱы но Камлэн ларйосаз [Гавриловъ 1880: 29] 'У крутыхъ бере-
говъ **бѣлаго Кама**' [Гавриловъ 1880: 96].

– но:

(2) *Тӱи но камлен шукиез* [Гавриловъ 1880: 11] 'Пѣна **бѣлаго Кама** (р. *Вятка*)' [Гавриловъ 1880: 80].

8.2.2. В записях фольклорных текстов Ю. Вихманна,
произведенных им как (1) у шошминских удмуртов, так и (2)
малмыжских, *kat* или *töd'i kat-* – нередко это 'река' или
'прозрачная (белая, светлая) река, прозрачный поток (*klaren*
(eig. *weissen*) fluss, *klaren strömen*)', напр.:

(1) (м.-урж. = шошм.)

kik ket't'sos kam d'ö viyti vortisa koško viyem. 'Zwei hasen
sollen über **das flusseis** springend gelaufen sein' [Wichmann
1901: 77].

'Два зайца скакали, оказывается, по льду **реки**'.

*mil'emli säyam ležodj-kε
töd'i kam durad po'neue!
mil'emiz kuškisa munodj-kε
d'ez-d'i'bo kuža murneue!*

'Wenn ihr uns grussgeschenke sendet, so stellt sie am ufer
des **klaren** (eig. **weissen**) **flusses** aus.

Wenn ihr uns aufzusuchen denkt, so folget den (telegraf-)
drahtsäulen' [Wichmann 1893: 13].

'Если гостинец [захотите] нам отправить,
То кладите на берег **светлой реки**.
Если отправитесь в поисках нас,
То идите по телеграфным столбам'.

*töd'i kam-durad töd'i kiś-pued
töd'i kamed'lī pīr-at'škε
d'i'radī izīam töd'i tat'adj
īšuz d'īr'sidijui pīr-at'škε*

’Die weisse birke, die am **klaren flusse** steht, spiegelt sich in dem **klaren flusse**.

Das weisse kopfzeug *tat’a* auf eurem kopfe leuchtet durch eure gelbe haare durch’ [Wichmann 1893: 33].

’У **светлой** (белой) **реки** белая берега
На **светлой реке** отражается.
Надетая на ваши головы белая такья
Светится через ваши желтые волосы’.

töd’i no kiś-pui ardana
töd’i kamjosli pur med lo!
mil’am ta šamen musoiaškemmi
aq’amičiš eböci, i n m a r l i š.

’Jener weisse birkenholzstoss, wenn er zu einer fähre auf **klaren strömen** würde!

Unsere auf diese weise geschlossene freundschaft kommt nicht von menschen, sondern von gott’ [Wichmann 1893: 37].

’Поленица из белых да березовых поленьев
Пусть станет плотом на **прозрачном** (белом) **потоке**.
Наши [с вами] такие ласковые отношения
[Происходят] не от человека, а от Бога’.

(2) (малм. = ? южн.)

töd’i gɪnεkamjoslen ijliɔsaz –
turlj gɪnεpapajos t’širdjiloz.

’Über den **klaren strömen** singen vielerlei vögel’ [Wichmann 1893: 85].

’Над **прозрачным** (белым) да **потоком**
Различные да пташки будут петь’.

8.2.3. В публикациях четверостиший Б. Мункачи

слово *kam* встречается лишь в качестве собственного названия определенной реки – *Камы* (и не только ее, как увидим чуть ниже):

*töd'e-no k a mti paroχot lektä
motor-no nglāz baštene.
uno murt'tos bižęsa vaško
motor-no nglāz add'žene.*

’Auf **der Weissen Kama** kommt ein Dampf schiff,
um das schöne Mädchen wegzuführen (eig. mitzunehmen).
Viele Leute gehen eilends hinab (ans Ufer),
um das schöne Mädchen zu sehen’.

[Munkácsi 1952: 337]

’Вдоль по **Белой Каме** пароход идет,
Чтобы забрать [с собой] красивую девушку.
Множество людей бежит вниз [по берегу],
Чтобы увидеть девушку-красавицу’.

*töd'e-no k a mlän d'arez d'uižet,
gudd'ęsa vaškäm kuję-käk.
ketę-kä-no menı oknam d'ęram
lobd'žęsa ušäm d'ža d'žäk kajik.*

[Munkácsi 1952: 337]

’Das Ufer **der Weissen Kama** ist hoch,
einen steil gegrabenen Brunner ähnlich.
Wohin ich auch ging ganz allein,
[war ich] wie eine Gans, die auf fliegt und herabstürzt’.

’Берег **Белой да Камы** высок,
Словно круто вырытый колодец.
Куда б я ни поехал, [везде] одинок,
Словно гусь с полета спустившийся’.

*töd'e-no k a m-velti pež koškä,
pež-velä pukęęsa motor nęl koškä.
nęl koškä šuęsa än bōrdelä;
nellis-no motor pi koškä.*

’Auf **der Weissen Kama** fährt ein Schiff weg.
Auf das Schiff sich setzend, fährt ein Mädchen weg.

Weinet nicht darum, dass ein Mädchen fortgeht;
ein Jüngling geht fort, der noch schöner ist, als das Mädchen’.

[Munkácsi 1952: 338]

’По **Белой** да **Каме** лодка движется,
Садясь на лодку, красавица уезжает.
Не плачьте, что девушка уезжает,
Парень, симпатичнее ее, уезжает’.

8.2.4. В нескольких песнях, опубликованных Р. Лахом,
слово *kam*, употребленное, как правило, без эпитета *töd’e*
’белый’, также может обозначать, судя по его же переводам,
реку Каму:

Kamliš paškedzä todesal-kä,
maŋ-no pukšesal puranä?!

’Wenn ich die Breite **des Kama-Flusses** gekannt hätte,
Wozu hätte ich mich in die Fähre gesetzt?’

[Lach 1926: 81]

’Если бы я знал, какова ширина **Камы**,
Зачем бы я сел да на перевоз?’

Kam kemmetoš-no Kam šunatoš
Kam-d’arüz tubesa vüsal-kä;
šeked arjosed-no lekton-derja
kökijis nung-no lüsal-kä.

’Bis **die Kama** einfriert, bis **die Kama** auftaut,
Möchte ich das Ufer **der Kama** besteigend erreichen;
Zur Zeit, wann die (deine) schweren Jahre eintreten,
Möchte ich ein Kind in der Wiege sein’.

[Lach 1926: 83]

’Пока **Кама** замерзнет и **Кама** оттает,
Успеть бы мне подняться на **камский** берег;
Когда придут тяжелые времена,
Быть бы мне младенцем в колыбели’.

8.2.5. В исследованиях И. М. Нуриевой,

посвященных песенной культуре казанских удмуртов, мне не удалось найти записей поэтических произведений кукморских удмуртов с упоминанием нарицательного имени существительного *кам* или гидронима *Кам* [Нуриева 1995], в книгу же песен шошминских удмуртов ею включены 1 частушка и 3 четверостишия (при исполнении последних количество строк из-за специфичных повторов увеличивается), см.:

ай, узыйэд, ай, борыйэд.

кам дурйосад намэрэд.

киз'и каром, мар каром но,

йаратис'ко тил'эдыз.

Ай, земляника, ай, клубника.

Вдоль Камы – костяника.

Как сделаю, что поделаю да,

Люблю я вас.

[Нуриева 2004: 64]

тö°д'и кам дурат кис'нү ардана,

тö°д'и кам дурат кис'нү ардана,

тö°д'и камэд(ы)тит пыр потоз, ай-кай,

тö°д'и камэд(ы)тит пыр потоз, ай-кай.

мил'ам күдолэн с'ийон-йуонэз,

мил'ам күдолэн с'ийон-йуонэз,

тö°д'ы эсö°'шэт(ы)тит пыр потоз, ай-кай,

тö°д'ы эсö°'шэт(ы)тит пыр потоз, ай-кай¹³.

’На берегу **Белой Камы** березовая поленница,

На берегу **Белой Камы** березовая поленница

По **Белой Каме** проплывет, ай-кай,

По **Белой Каме** проплывет, ай-кай.

Угощение (’еда-питьё’) нашего свата,

Угощение (’еда-питьё’) нашего свата

По белой скатерти пройдет, ай-кай,

По белой скатерти пройдет, ай-кай.

[Нуриева 2004: 118, 120]

¹³ Здесь и далее свадебные песни шошминских удмуртов в 8 и 10 строк приводятся в исполнительском варианте, и в соответствии с этим преобразованы и частично уточнены и их переводы.

*камлис' пас'кыт(ы)зэ тодэм но бэрэ,
камлис' пас'кыт(ы)зэ тодэм но бэрэ,
õ'й пукс'ысаў, дыр, мон лоткайад, ай-кай,
õ'й пукс'ысаў, дыр, мон лоткайад, ай-кай.
д'а'лис' кычэзэ тодэм но бэрэ,
д'а'лис' кычэзэ тодэм но бэрэ,
õ'й потысал(ы), дыр, мон д'ат дорэ, ай-кай,
õ'й потысал(ы), дыр, мон д'ат дорэ, ай-кай.*

’Если бы знала я ширину **Камы**,
Если бы знала я ширину **Камы**,
Не села бы я, наверное, в твою лодку, ай-кай,
Не села бы я, наверное, в твою лодку, ай-кай.
Если бы знала я, каково на чужбине,
Если бы знала я, каково на чужбине,
Не вышла бы я, наверное, [замуж] на чужбину, ай-кай,
Не вышла бы я, наверное, [замуж] на чужбину, ай-кай’.
[Нуриева 2004: 126–127]

*тõд'и кам кўз'ад(ы) вош чõшпи л'эз'и,
тõд'и кам кўз'ад(ы) вош чõшпи л'эз'и,
быгатоз мэдам уйаны, ай-кай?
быгатоз мэдам уйаны, ай-кай?
айды гынэ мидайдон айдон.
эштэ куштыса, д'ат дорэ потид,
эштэ куштыса, д'ат дорэ потид,
быгатод мэдам улыны, ай-кай?
быгатод мэдам улыны, ай-кай?
айды гынэ мидайдон айдон.*

’В **Белую-то Каму** маленького утенка пустила,
В **Белую-то Каму** маленького утенка пустила,
Сможет ли ли он плавать, ай-кай?
Сможет ли ли он плавать, ай-кай?
айды гынэ мидайдон айдон.
Оставив друга, вышла [замуж] на чужбину,
Оставив друга, вышла [замуж] на чужбину,
Сможешь ли прожить, ай-кай?

Сможешь ли прожить, ай-кай?
айды гынэ мидайдон айдон.
[Нуриева 2004: 130, 132]

Во всех песнях искомое слово *кам* и выражение *тöдъы кам* – возможно, без уточнения их семантики у информантов – переведены исследователем как 'Кама' или 'Белая Кама', хотя отнюдь не исключено, что и слово *кам* могло бы означать просто 'реку, поток', и *Тöдъы Кам* – иной водный объект, напр., реку Вятку.

8.3. Особый интерес представляют такие случаи, когда *кам* и *тöдъы кам* выступают в четырехстрочных песнях казанских удмуртов в качестве собственного наименования какой-либо реки, а вот конкретно какой (*Камы, Белой или Вятки*), это, кажется, зависит от того, где, когда и кем было записано четверостишие; причем объекты номинации варьируют порою даже в близких вариантах одних и тех же песен, но зафиксированных различными учеными, ср.:

- 1а) *Töli kam*- 'бѣлая **Кама**' [Гавриловъ 1880: 29] ~
- 1б) *Tödi kam*- 'бѣлая Кама (р. **Вятка**)' [Гавриловъ 1880: 11] ~
- 1в) *Töd'e - Kam*- 'р. **Белая**' [Lach 1926: 79] ~
- 1г) *töd'e - k a t*- 'р. **Белая**' [Munkácsi 1952: 337]:

- 1а) *Тöйы но Камлэн ларйосаз*
Чынаяк лештон тöй чүй ваң;
Чынаяк полэ чын ломыш поныса
Чын вылэм тиляд витемды.
[Гавриловъ 1880: 29]

'У крутыхъ береговъ **бѣлаго Кама** есть бѣлая глина, изъ которой дѣлають чайныя чашки. Знаю, что правда то, что вы насъ ждали, положивши въ чайную чашку изюмъ (т. е. приготовившись угостить)' [Гавриловъ 1880: 96].

~

- 1б) *Tödi no kamlen šukiež*
Кожицен кожэ шуккискоз;
Та туганйослен шыдэз няңэз
Гуртицен гуртэ кылыскоз.
 [Гавриловъ 1880: 11]

’Пѣна бѣлаго Кама (р. **Вятка**) будетъ биться изъ стороны въ сторону. Хлѣбосольство этихъ нашихъ родственниковъ будетъ слышно изъ деревни въ деревню’ [Гавриловъ 1880: 81].

~

- 1в) *Töd'e-no Kamlän šukijez*
d'arisän d'arä šukkiškä – ai-gai!
mil'am-no keržam kuarajosme
gurtlän-no küžajaz šukkiškä – ai-gai!

’Das Schaum der Weißen Kama (des **Бѣлая-Flusses**)
 Schlägt sich von Ufer zu Ufer – Juchhei!
 Die von uns gesungenen Töne
 Schlagen sich (wiederhallen) das Dorf entlang – Juchhei!
 [Lach 1926: 79]

’Пена Белой да Камы (реки **Белой**)
 От берега к берегу бьется – ай-гай!
 Звуки от нашего да пения
 Вдоль по деревне раздаются – ай-гай!’

~

- 1г) *töd'e-no k a mlän šukijez*
d'arisän d'arä šukkiškoz.
mil'am-no keržasa d'uiämhosme
gurtišän gurtä keliškoz.
 [Munkácsi 1952: 337]

’Das Schaum der Weissen Kama (des **Белая-Flusses**)
 schlägt sich von Ufer zu Ufer.
 Unsere mit Gesang verbundenen Trinkgelage
 sind von Dorf zu Dorf berühmt (eig. hörbar).’

’Пена Белой да Камы (реки **Белой**)
 От берега к берегу будет биться.

Звуки от нашего да пиршества с песнями
Вдоль по деревне раздадутся’.

- 2a) *kam-* ’река’ [Wichmann 1893: 3] ~
2б) *kam-* ’р. Кама’ [Lach 1926: 83] ~
2в) *kam-* ’р. Кама’ [Munkácsi 1952: 317]:

2a) *kamleś paśkǫdzε totsāumj-kε*
öm pu’kśjśāumj lotkaǫε
ǫ’atleś kōǫsezε totsāumj-kε
öm po’tīśāumj ǫ’atǫε

’Wenn wir die breite **des flusses** gekannt hätten,
hätten wir uns ins boot nicht gesetzt.
Wenn wir die fremden leute gekannt hätten, wie sie sind,
wären wir zu ihnen nicht gegangen’.

[Wichmann 1893: 3]

’Кабы знали мы ширину **реки**,
Мы бы не сели в лодку.
Кабы знали мы, каково на чужбине,
Мы бы не отправились на чужбину’.

~

2б) *Kamliś paśkedzä todeśal-kä*,
maǫ-no pu’kśęsal puranä?!
arjosliś šeķedzä todeśal-kä,
maǫ-no budetsal mugormä.

’Wenn ich die Breite des **Kama-Flusses** gekannt hätte,
Wozu hätte ich mich in die Fähre gesetzt?!
Wenn ich die Schwere der Jahre gekannt hätte,
Wozu hätte ich meinen Körper wachsen lassen?!’

[Lach 1926: 83]

’Если б я знал ширину **Камы**,
Зачем же бы я сел на перевоз?!
Если бы я знал тяжесть годин,
Зачем бы вырастил свое тело?!’

~

2в) *kamliś paśkedzä todesal-kä*
*maļ pukšesal puranä?!
tašä luime (ɔ: ? luämmä) todesal-kä,
maļ budätsal mugormä?!
'Wenn ich die Breite des **Kama-Flusses** gekannt hätte,
wozu hätte ich mich in die Fähre gesetzt?!
Wenn ich gewusst hätte, dass es mir so gehen wird
(eig. dass ich ein solcher werde),
wozu hätte ich meinen Körper wachsen lassen?!'
[Munkácsi 1952: 317]*

*'Если б я знал ширину **Камы**,
Зачем бы я сел на перевоз?!
Если бы я знал, что я буду таким,
Зачем бы я дал вырасти своему телу?!'*

8.4. В таком семантическом многообразии

и дошли до нас слово *кам* и сочетание *тöдьы кам*, которые в современных (начиная с середины XX в.) записях, приведенных у кукморских удмуртов автором данной работы, соотносятся, возможно, с рекой Вяткой, протекающей в наибольшей близости от них, а, возможно, означают просто '(большую) реку'. К сожалению, собиратель фольклорного материала в свое время не догадался уточнить у информантов значение слов *кам* и *тöдьы кам*, наивно полагая, что они, само собой разумеется, должны означать не что иное, как только *Камы*:

*к а м дурэ вьдъса ву д'ји,
тулкъмэс шуккиз – маļ д'ји?
ми пичи дърйа эркэ вал,
эркэмъ бъ'миз – малы буди?
(Тыло 1960.: 56)*

*'Припав к берегу **Камы** (скорее **Вятки**,
или все же **реки**?), воды попила.
Волной ударило – зачем пила?*

В детстве я привольная была,
Приволье закончилось – для чего выросла?’

*камлис' пас'кътсэ тодъсал кэ
ө'й пукс'ъсал пуранъ.
арлис' с'экътсэ тодъсал кэ,
ө'й будэтъсал мугормэ.
(Тыло 1960...: 144)*

’Если б я знал ширину **Камы** (Вятки?),
Не сел бы я на греблю?!
Если бы я знал тяжесть годин,
Не дал бы я вырасти своему телу?!’

9. Употребление удмуртских вариантов гидронима

Кама в песенном творчестве южных – (1) алнашских, (2) граховских, (3) киясовских, (4) малопургинских и др. – удмуртов имеет, как мне кажется, некоторую свою специфику, о чем, правда, на данном этапе достаточно сложно судить, хотя определенно заметна более высокая частотность их встречаемости в частушках, нежели в обрядовой (и даже лирической) поэзии.

9.1. В частушках алнашских удмуртов,

судя по записям последних лет, образ (*Белой*) *Камы* встречается довольно часто. Так, например, в сборнике «Кырзалэ, кырзась эшгёсы!» Л. Л. Ганьковой, по моим приблизительным подсчетам, упоминание этой реки содержат 36 произведений этого малого (и посему весьма подвижного) жанра. Приведу лишь несколько примеров:

*Тодъы Камлэн шукуеныз
Малы меда мисьтйськи?
Мон но анай-атай нылпи,
Малы шудтэм вордйськи?
(Ганькова 2015: 14)*

’Пеной **Белой Камы**
Зачем только я умылась.
Ведь и я дитя родителей,
Почему несчастливой уродилась?’.

*Камлэн йӧӧз векчи ке но,
Куасаське, уг чигиськы.
Мынам сюлмы бӧрдэ ке но,
Чидатске, уг чигиськы.*
(Ганькова 2015: 17)

’Хоть и тонок лед на **Каме**,
Гнется он, не ломается.
Хоть и плачет мое сердце,
Держится, не отчаивается’.

*Кыдӧкысен адӟисько ук
Тӧдды Камлэн вуюсыз.
Кыдӧкысен кылӱсько ук
Арганлэн куараосыз.*
(Ганькова 2015: 115)

’Ведь издалека видны
Воды **Белой Камы**.
Издалека ведь слышны
Переливы гармонн’.

*Кам дурӑёсын куазь кезьыт,
Вай туганэ пальтодэ.
Адӟиськом на-а, ум ни-а,
Вай туганэ бур кидэ.*
(Ганькова 2015: 322)

’На берегу **Камы** холодно,
Подай, любимый, мне пальто.
Увидимся ли еще, или нет,
Подай, любимый, правую руку’.

И др.

Вышеприведенная цифра весьма внушительна даже с учетом того, что некоторые частушки, содержащие название реки Камы, являются не подлинно народными (алнашскими), а фальсификатами, т. е. творениями-переделками составителя книги «Кырӟалэ, кырӟась эшӑёсы!», созданными “по мотивам” ранее опубликованных народных песен казанских удмуртов [Гавриловъ 1880] – правда, через посредство сборника «Удмурт калык кырӟан‘ёс (нӱльчур‘ёс)» (1936). Именно из сборника 1936 г. ею были заимствованы (и переделаны) многие частушки (которые из них и сколько таких – она, к сожалению, не сообщает¹⁴). И варианты названия реки

¹⁴ “Книгаям пыртэмын на 2012 арын «Ӗзуння кырӟа, эктэ, вера» книгаысьтым такмакӑёс, эшшо ик 1936 арын потэм «Удмурт калык кырӟанӑёс» шуыса нимама книгаысь кырӟанӑёс” (Л. Ганько-

Камы, вместо наименования другой реки (напр., *Яик* 'Урал'), введены в них в последнее время именно ею. Явственно прослеживаются следы "творческой переработки" песен-оригиналов писателем и поэтом Л. Л. Ганьковой, например, в следующих двух произведениях (песнях/частушках):

1. *Зяике потэм вож тубылгы*
Лусалкэ милям кырйосын;
Та нужнайосыз аджытоҕ
Көкьиҕ нуны лүсалкэ.
[Гавриловъ 1880: 18–19]

'Зеленая таволожка растущая у рѣки **Яикъ** (хорошо бы) если бы была на нашемъ полѣ. Чѣмъ видѣть такую нужду. (хорошо бы) если бы я былъ ребенкомъ, лежащимъ въ зыбкѣ' [Гаврилов 1880: 87].

- *Зяике потэм вож тубылгы,*
Лусал ке милям кыр'ёсын.
Та нужнаёсыз адъытозь,
Көкыысь нуны лусал ке.
[Укк. 1936: 132]

- *Кам дуръёсысь абалгыед*
Ми палан но луысал ке.
Та нужнаез, ой, адъытозь,
Көкыысь нуны луысал ке.
(Ганькова 2015: 64)

'Папоротник-то с берегов **Камы**
Был бы и в наших краях.
Чем видеть такую, ой, нужду,
Быть бы [мне] младенцем в колыбели'.

ва. Кырзалэ, кырзась эшгёсы!, 4). 'В мою книгу еще вошли частушки из моей книги «Зуння кырза, эктэ, вера», изданной в 2012 году, а также из книги, называемой «Удмурт калык кырзангёс» и изданной в 1936 году'.

2. *Пуксэм ваййосмы жесэ кэ луоз
Кюң пол котыртыском **Жяигез**;
Ожыт гожтэт тодысалмы кэ
Ом люкасалмы солыгез.*

[Гавриловъ 1880: 31]

’Если лошадь наша будетъ хороша, мы три раза объѣдемъ **Яикъ**. Если бы мы знали немного грамотѣ, то не грѣшили бы столько’ [Гавриловъ 1880: 97].

- *Пуксем вал’ёсмы жеч кэ луиз,
Куинь пол котыртом **Заикез**.
Ожыт гожтэт тодысалмы ке,
Ом люкасалмы кайгуэз.*

(Укк. 1936: 132)

’Если верховые лошади наши будут хорошими,
Трижды объедем **Яик**.
Если б были чуточку грамотными,
Не набрали бы мы горя’.

- *Валъёсы ке тыр луысал,
Куинь пол **Камез** котыртысал.
Ожыт гожтэт тодысал ке,
Кайгуэз ой кутысал.*

(Ганькова 2015: 64)

’Были бы мои лошади сытыми,
Трижды объехал(а) бы я **Каму**.
Если б я был(а) чуточку грамотным (-ой),
Не ведал(а) бы я горя’.

Несомненный факт метаморфозы реки *Заик-* (*Зяик-*, *Жяик-*, *Заик-*) ’Яик (Яикъ)’, т. е. ’реки Урал’ в реку *Каму* в вышеприведенных частушках-переделках Л. Л. Ганьковой подтверждается еще и третьим – аналогичным – примером, в котором речка *Шунь* из песни-оригинала, зафиксированной

в д. Шунбаш (удм. *Шыньыл*, рус. *Верхняя Шунь*) современного Кукморского района Республики Татарстан в начале 70-х гг. XIX в., “по щучьему велению, по *чьему-то* хотению”, пройдя через вездесущий сборник «Удмурт калык кырзан’ёс (ныльчур’ёс)», подверглась своеобразной “доместикации” и в конечном счете “прописалась” в родной деревне Л. Л. Ганьковой Старая Юмья Алнашского района Удмуртской Республики под вымышленным именем *Ѕуння ву-’Юмьинская вода (речка)*. Вот этапы “(про)хождения ее по мукам”:

*Шын вуэдлэн кузаяз
Галыз чыбор вудор вань;
Пеймыт шу́иса мынытэк эн кыды,
Толэж кэ эвол кижили вань.*
[Гавриловъ 1880: 9]

’Около **рѣчки Шуни** есть пестрогрудая цапля. Приходи не смотря на то, что темно; если нѣтъ луны, то есть звѣзды’ [Гавриловъ 1880: 79].

→ *Шын вуэдлэн ярдураз
Гадьыз чибор вудор вань.
Пеймыт шуса, мынытэк эн кылыы,
Толэзь кэ өвёл, кизили вань.*
[Укк. 1936: 136]

’На берегу **речки Шуни**
Пестрогрудая цапля есть.
Боясь темноты, не забудь прийти:
Если не луна, [хоть] звезды есть’.

→ *Ѕуння вулэн ярдуръёсаз
Гадьыз чебер вудор вань.
Пеймыт шу́иса, лыктытэк эн кыль,
Кизилиен толэзь вань.*
(Ганькова 2015: 12)

’На берегах речки “*Ѕуння ву*”
С красивой грудкой цапля есть.
Из-за темноты не забудь прийти,
[Ведь] луна со звездами есть’.

“Пересадка” песен казанских удмуртов на алнашскую почву сопровождалась, как показывают приведенные выше примеры, заменой одних слов на другие, хотя они и не всегда оказывались уместными, т. е. эквалентными (*тубылгы* ’таволга’ → *абалгы* ’папоротник’ (растет ли папоротник на берегу большой реки?), *кужасяз* ’вдоль по’ → *ярдурьёсаз* ’по берегам’); а в целях придания четырехстрочной (казанской) песне (алнашскую) частушечную ритмику – (1) многосложные конструкции были преобразованы в более короткие или иногда (2) наоборот:

1) *Зяике потэм вож тубылгы ~ Ѕаике потэм вож тубылгы* (9 слогов) → *Кам дурьёсысь абалгыед* (8 слогов);
Пуксэм вайёсмы жесэ кэ луоз ~ Пуксем вал’ёсмы жеч кэ луиз (9 слогов) → *Вальёсы ке тыр луысал* (8 слогов);

Толэжс кэ эвол кижили вань ~ Толэзь кэ өвёл, кизили вань (9 слогов) → *Кизилиен толэзь вань* (8 слогов); *Өм люкасалмы солыгез ~ Ём люкасалмы кайгуэз* (8 слогов) → *Кайгуэз ой кутысал* (7 слогов);

2) *Шын вуэдлэн кужасяз ~ Шын вуэдлэн ярдураз* (7 слогов) → *Ѕуння вулэн ярдурьёсаз* (8 слогов); и пр.

К тому же вопрос о том, что же означает слово *кам* (*Ка-му*, *Вятку* или *Белую*), которое было включено в относительно недавно преобразованную частушку на место названия другой реки – ’(большую) реку’ или гидроним (во втором случае – название какой реки: Камы, Вятки или Белой), перед издателем сборника алнашских частушек «Кырзалэ, кырзась эшьёсы!», очевидно, и не вставал: вне всякого сомнения, имелась в виду только и река Кама.

9.2. Песни граховских удмуртов,

записанные преимущественно в д. Старая Игра (всего 37 номеров), опубликованы М. Г. Атамановым в книге «Песни и сказы ушедших эпох» / «Эгра кырза, Эгра вера». В этой коллекции представлены как обрядовые песни (гостевые, свадебные, рекрутские, колыбельная), так и – в бóльшем количестве – лирические и молодежные (хороводные, уличные и пр.).

Ярко выраженная отличительная особенность абсолютного большинства из этих песен заключается в том, что они в композиционном отношении построены как последовательное нанизывание отдельных частушек, в смысловом отношении определенным образом циклизированных и исполняемых под одну и ту же мелодию. Так, к примеру, из цельных “блоков”-частушек составлена лирическая песня «зарн'и шэт-тэ та йыры» (‘Золото находит моя голова’) [Атаманов-Эграпи 2005: 81–82], состоящая из 6 четверостиший, каждое из которых представляет собой вполне самостоятельную частушку (вот три первые куплеты этой песни):

*зарн'и шэттэ та йыры но,
азвэс' шэттэ та йыры.*

*Ээч улон но шорис'кыз ик,
кайгы шэттэ та йыры.*

мар тон лэс'тид, ой, туганэ,

садис' учийэз ыбид?

*мар тон лэс'тид, йаратонэ,
тон мынэс'тым лукис'кид?*

мон-а, мар-а тонэ уччай,

эйсыт урамэ потыса?

*мон-а тарэ воз'дас'ком на,
тынад кылыдлы луса?⟨...⟩*

‘Золото находит моя голова,
Серебро находит моя голова.

Во время хорошей же жизни
Горе находит моя голова.

Что ты сотворил, ой, мой воз-
любленный,

Пристрелил в саду соловья?

Что ты сотворил, мой любимый,
Ты расстался со мной?

Я ли тебя искала,

Выходя на вечерние гулянья?

Мне ли теперь стыдиться,

Из-за твоих слов?

[Атаманов-Эграпи 2005: 81]

Таковыми являются лирические песни «мон кэ чиги л'эмпу вайэз» ('Если я отломлю ветку черемухи') [Атаманов-Эграпи 2005: 80–81], «жужыт, жужыт гурээ' йылэ» ('На вершине высокой горы') [Атаманов-Эграпи 2005: 82–83], «шулдыр гужэм, шулдыр гужэм» ('Лето прекрасное, лето прекрасное') [Атаманов-Эграпи 2005: 84–85], «бэргаса шыдон гур» ('Хороводная') [Атаманов-Эграпи 2005: 93–97] и ряд других.

Яркой иллюстрацией к вышесказанному – использование в различных комбинациях фрагментов из нескольких частушек в ряде песен граховских удмуртов.

Вот, к примеру, начальные двустипишия трех частушек, которые оказались включенными в тексты песен:

кыт'и вэс'чи от'и чигэ
т ө д'ы к а млэн йёосыз.

'Где тонко, там и раскалывается
На Белой Каме лед'.

т ө д'ы к а мын тёд'ы чорыг
кутылэ, дыр, ван' калык.

'На Белой Каме белую рыбу
Вылавливает, наверно, весь народ.

т ө д'ы к а млэн, ой, тулкымэз
йарис' йарэ шуккис'кэ.

'Волны, ой, **Белой Камы**
От берега к берегу бьются'.

А вот отрывки из трех песен с этими фрагментами:

1. *гурээ' улэ ой вас'кысал,*
гурээ' йылэ тубысал.
Та мёзмонэз ой мёзмысал,
с'экыт ужез ужасал.

кыт'и вэс'чи от'и чигэ
т ө д'ы к а м л э н йёосыз.
кин' кэ шуттэм, солы лывэ
та арийослэн с'экытсы.

’Не стал бы под гору спускаться,
[Лучше] в гору стал бы подниматься.
Эту скуку-печаль на видал бы (’не скучал бы’),
[Лучше] тяжелую работу выполнял бы.

Где тонко, там и раскалывается
На **Белой Каме** лед.
Кто несчастен, на того и наваливаются
Тяготы этих [тяжелых] годин’.
[Атаманов-Эграпи 2005: 83]

2. т ө д'ы камын төд'ы чорыг
кутылэ, дыр, ван' калык.
мил'ам та'йэ вис'тэммылы
паймылэ, дыр, ван' калык.
- кыт'и вэс'чи от'и чигэ
т ө д'ы камлэн йöосыз.
кин' кэ шуттэм, солы лывэ
та арийослэн с'экытсы.

’На **Белой Каме** белую рыбу
Вылавливает, наверно, весь народ.
Нашему такому дурачеству
Удивляется, наверно, весь народ’.

Где тонко, там и раскалывается
На **Белой Каме** лед.
Кто несчастен, тому перепадают (’приходят’)
Тяготы этих [тяжелых] годин’.
[Атаманов-Эграпи 2005: 96]

3. кыт'и вэс'чи от'и чигэ
т ө д'ы камлэн йöосыз.
кин' кэ шуттэм, солы лывэ
та арийослэн с'экытйосыз.
- йуса мийа ку'ззис'кэм,
йутэк мийа ку'ззис'кэм?

йуса куззис'кэм кэ, чок но,
йутэк куззон дырийос ван'.

т ө д' ы к а м л э н, ой, түлкымэз
йарис' йарэ шуккис'кэ.
с'у ар, с'урс ар ум улэлэ,
вайэ валчэ уломэ.

Где тонко, там и обламывается
На **Белой Каме** лед.
Кто несчастен, на того приходят
Тяготы этих годин.

Выпив ли я захмелел,
Не выпив ли я захмелел?
Коли выпив – ладно бы,
Бывает, не выпив хмельным бываешь.

Волны **Белой Камы**
От берега к берегу бьются.
И сто лет, и тысячу лет нам не жить,
Давайте вместе будем жить'.
[Атаманов-Эграпи 2005: 107]

Частушечным характером (происхождением) множества песен из этого собрания и обусловлено то, что в них довольно часто – равно как и в частушках – встречается гидроним *Кам* (~ *Төдъы Кам*) 'Кама (~ Белая Кама)'.

9.3. Из 137 песен Киясовского района УР

гидроним *Каму* удалось обнаружить лишь в трех – столь редкое упоминание в поэтических текстах образа этой любимой удмуртами реки, на мой взгляд, обусловлено тем, что абсолютное большинство песен этой коллекции в композиционном отношении не являются сочетанием последовательно расположенных “блоков”-частушек, так и в зависимости от слоговой структуры всего произведения, о чем сви-

детельствуют и извлеченные из этих поэтических произведений отрывки с гидронимом *Кам*, которые весьма далеки от частушечной ритмики:

Тõдды Кам дуре тõдды бадьпу мерттэм вал,
Али ке но возьмасько будэмзэ.
Тõдды Кам дуре тõдды бадьпу мерттэм вал,
Али ке но возьмасько будэмзэ.

’Возле **Белой Камы** белую иву посадила,
До сих пор жду, когда вырастет.
Возле **Белой Камы** белую иву посадила,
До сих пор жду, когда вырастет’.
[Пчеловодова, Анисимов 2017: 87]

*Кема малтаськыса õз улы,
Мугореныз вуэ тэччиз.
Кам шур* погылъяськыса ваське,
*Ныллэсь мугорзэ со нуэ.
Кам шур* погылъяськыса ваське,
Ныллэсь мугорзэ со нуэ.

’Недолго она думала,
Прыгнула в воду.
Река Кама бурно течет,
Тело девушки несет.
Река Кама бурно течет,
Тело девушки несет’.

[Пчеловодова, Анисимов 2017: 87]

*Син азам та гужем(ы) толзэё уй,
Син азам та ветлэм(ы) сюресэд.
Уз(ы) вуны нырысетй яратон,
Уз вуны Кам(ы) шур(ы).лэн(ы) быземез.
Уз(ы) вуны нырысетй яратон,
Уз вуны Кам(ы) шур(ы).лэн(ы) быземез.*

’Перед глазами эта летняя лунная ночь,
Перед глазами тропинка, по которой ты ходила.
Не забудется первая любовь,
Не забудутся воды **Камы-реки**.
Не забудется первая любовь,
Не забудутся воды **Камы-реки**’.
[Пчеловодова, Анисимов 2017: 326]

9.4. В сборник малопургинских песен,

изданный в сериале «Песни южных удмуртов» ('Лымшор пал удмуртъёслэн кырзан гурьёссы') (Вып. III) включено 300 обрядовых (напевы календарных праздников, свадебные, напевы поминальных обрядов, проводов невесты, рекрутские, гостевые и др.) песен-напевов, и, как и следовало ожидать, гидроним *Кам* 'Кама' (~ *Тӧдӧы Кам* 'Белая Кама') представлен в них крайне скудно – он обнаружен всего лишь в двух песнях; при этом (1) в одной из них слово *кам* переведено как 'река' (подтверждая этим самым то, что это слово, (почти) утраченное в живой речи удмуртов, в некоторых южноудмуртских говорах спорадически могло сохраниться хотя бы в связанном (фразеологизированном) контексте, см. также выше, пункт 5), (2) в другой же песне оно перенесено из преобразованной частушки, см.:

- (1) *Дас кык пар но ӓзегед ӧош ке гынэ кеськылӓз,
Шуккиськоз ук куараез **кам** дурисен **кам** дуре.*

'Двенадцать пар гусей если вместе да прокричат,
Донесутся ведь их голоса от одной **реки** до другой'.

[Вершинина, Владыкина 2014: 89]

- (2) *Тӧдӧы Камлэн шукиез ук кожись коже шуккиське,
Ми пиналъёслэн куараёсмы гуртысь гуртэ шуккиське,
Ми пиналъёслэн куараёсмы гуртысь гуртэ шуккиське.*

'Пена вод **Белой Камы** бьется [о берега] одного омута и другого,
Наши молодые голоса от одной деревни до другой раздаются,
Наши молодые голоса от одной деревни до другой раздаются'.

[Вершинина, Владыкина 2014: 325]

И, впрямь, первая строчка из фрагмента этой гостевой песни, записанной в д. Среднее Кечево Малопургинского района УР, живо перекликается с начальным двустилием ряда частушек, опубликованных в различных сборниках, напр.:

*Төдбь Камлэн шукуез
Кожысен коже шуккиськоз.
Та туганъёслэн шыдэз-нянез
Гуртысен гуртэ кылйськоз.
[Укк. 1936: 116]*

*Төдбь Камлэн шукуез
Кожысь коже люкиське.
Пинал даурлэн мылкыдыз
Интыысь интые вошъяське.
[Укк. 1936: 54]*

*Төдбь Камлэн, ой, шукуез
Кожысь коже люкиське.
Пинал даурлэн мылкыдыз
Чача пыри пилиське.
(Ганькова 2015: 201).*

’Пена Белой Камы
Будет биться из омута в омут.
[Весть] о гостеприимстве родичами
Дойдет из деревни в деревню’.

’Пена Белой Камы
Из омута в омут распределяется.
Желания молодости
С места на место меняются’.

’Пена Белой, ой, Камы
Из омута в омут распределяется.
Желания молодости
В черепки разбиваются’.

Примечательно то, что при весьма редком упоминании названия местной “достопримечательности” – реки Камы, в одной из рекрутских песен употреблено название реки Волги – *Волга шур* (это, возможно, связано с тем, что набранные в солдаты молодые парни-удмурты служили не на своей малой родине, а, как правило, довольно далеко от нее).

Содержание приводимого ниже отрывка из песни следует понимать так: призванный в солдаты молодой парень, выходя из родительского дома, на память о себе прибавляет к матице монету с чук-ом (куском материи или ленты), который родители должны сохранить до его возвращения, чтобы он, вернувшись, сам мог вырвать его оттуда зубами:

*Та шуккылэм, ой, чукъёсме ачим берттозь возелэ,
Ачим ке но, ой, бертылй пиньыным ишкалтыса, ой, басьтыло(й),
Ачим ке но, ой, бертылй пиньыным ишкалтыса, ой, басьтыло(й).*

*Тузон ке но, ой, пуксьылйз, тылыен ċужыса, ой, возелэ,
Тузон ке но, ой, пуксьылйз, тылыен ċужыса, ой, возелэ,*

*Аċċемды ке, ой, потылоз, ишкалтыса куштэлэ,
Ишкалтыса куштэлэ но **Волга шуре** куштэлэ.*

***Волга шуре** куштйды ке, со мон доры мед лыктоз,
Волга шуре куштйды ке, со мон доры мед лыктоз.*

’Этот вбитый, ой, мой чук храните до моего возвращения,
Если вернусь, ой, сам зубами вырву,
Если вернусь, ой, сам зубами вырву¹⁵.

Если пыль, ой, сядет, сметайте, ой, крылышком,
Если пыль, ой, сядет, сметайте, ой, крылышком.

Если меня захотите увидеть, вырвите и бросьте,
Вырвите и бросьте в **реку Волгу**.

Если в **Волгу реку** бросите, пусть ко мне он приплывет,
Если в **Волгу реку** бросите, пусть ко мне он приплывет.

[Вершинина, Владыкина 2014: 244–245]

9.5. Положение о крайне низкой частотности

употребления гидронима *Кам* в обрядовых песнях южных удмуртов полностью подтверждается и свадебными песнями, записанными в “Кизнерском, Граховском, Алнашском, Малопургинском, Можгинском и Вавожском районах Удмуртской АССР и Агрызском районе Татарской АССР” и опубликованными Р. А. Чураковой в книге «Удмуртские свадебные песни» [1986]. В песнях, включенных в этот ее сборник, наряду со множеством узколокальных ойконимов и гидронимов, нашел упоминание ряд крупных и весьма отдаленных городов СССР/Российской Федерации:

¹⁵ Перевод этой строчки, которая у составителей сборника звучит: “Если сам вернусь, зубами вырву”, уточнен автором данного исследования в соответствии с удмуртским текстом.

Алабго 'Елабуга (г. в Республике Татарстан)': *Алабго* но купечъёс(ы) нылзэс но сёто 'Елабужские да купцы отдают да дочку замуж' [Чуракова 1986: 82];

Кузон 'Казань (столица Республики Татарстан)': *Кузонэ* ветлймы товар вайыны 'В **Казань** ездили товар покупать' [Чуракова 1986: 60];

Макарья 'Макарья (пос. городского типа Лысковского р-на Горьковской обл. [БЭС I 1991: 749]): *Макарьяысь* вайылэм суй мунё кадъ 'Словно привезенная с **Макарьи** глиняная кукла' [Чуракова 1986: 79]; *Макарьяысь* вайылэм, ой, сиён-юон 'С **Макарьи** привезенное, ой, да угощение' [Чуракова 1986: 96–97]; *Макарьяысь* вайылэм емыш кадъ, ай-ай 'Словно с **Макарьи** привезенные яства, ай-ай' [Чуракова 1986: 101];

Менделей 'Менделеевск (до 1967 г. пос. Бондюжский, ныне город в Республике Татарстан [БЭС I 1991: 792]): *Менделей* но городэ товар вайны ми ветлйм 'В город да **Менделеев** товар покупать мы ездили' [Чуракова 1986: 114];

Москва: Милям сётэм нылъёсмь но – Москваысь но барышня! 'Выданная нами невеста – барышня да **московская!**' [Чуракова 1986: 86];

Сарапул 'Сарапул (г. в Удмуртской Республике)': *Сарапул* но купечъёс кен басьто, ай-ай 'Сарапульские да купцы берут сноху, ай-ай' [Чуракова 1986: 82].

Даже упомянуты *моря* 'море' и *окиян* 'океан', правда, лишь абстрактно, без указания на их название:

*Шуръёс дырто моряе но моряысь – окиянэ,
Нош тй кытчы дыртйськоды, яратылон эшъёсы?*

'Реки спешат в **море**, а из **моря** – в **океан**,
А ты куда спешишь, любимая подруженька?'

[Чуракова 1986: 92]

Однако гидроним *Кам* 'Кама' (в сочетании *Кам дур* 'Берег Камы') зафиксирован всего лишь в одной песне, записанной в д. Курегово Малопургинского района УР в 1974 г., и то лишь в "стандартизированной" форме, ибо почти полностью совпадает с фрагментом из свадебной песни, которая была зафиксирована несколько позднее (точное время не указано) в с. Ильинское того же самого района – перевод фрагмента и интерпретация слова *кам* в приведенных здесь отрывках различаются (см. выше, 7.9):

*Дас кык пар но, ой, ӓзегед ӓош ке гынэ кеськылӓз, шол,
Шуккиськоз но, ой, куаразы **Кам дурысь Кам дуре.***

'Если двенадцать да, ой, пар гусей крикнут вместе –

Эхо их голосов да, ой, будет слышно здесь и там **над Камою**'.

[Чуракова 1986: 89]

10. Как уже замечено, частотность употребления

гидронима *Кам* и производных от него существенно отличается в четырехстрочных песнях казанских удмуртов и южноудмуртских частушках (достаточно высокая), с одной стороны, и в песнях – особенно, в обрядовых, не частушечного происхождения, – записанных также в южных районах Удмуртской Республики (весьма низкая), – с другой.

Почему? Вопрос интересный, однако ответа на него у меня нет.

11. О заметной интеграции слова *кам*

в любой своей ипостаси – и как нарицательное имя существительное, и как собственное (потамоним) – в лексико-семантическую систему удмуртского языка свидетельствует и то, что оно принимает своеобразное участие в образовании некоторых видов устойчивых сочетаний и сложных слов.

11.1. Рассматриваемое слово *кам/Кам* представлено

в удмуртском литературном языке в составе следующих паремических выражений различного характера (фразеологических оборотов и пословиц), напр.:

1) *кам пасьта* 'очень широкий' (букв. 'шириной с кам'):

– *Уть, мугорыз [чёртлэн] нюлэсмуртлэн ёсужда, нырыз сяртчынъян быдза, нош ымыз, ымыз – Кам пасьта!* (Е. Загребин. Секыт адзён, 118). '– Глянь, тело его [черта] высотой с лешего, нос величиной с пирог с репой, а рот, рот – **шириной с Каму!**' *Синъёсы Кам пасьта усьтйськызы* (Уд. 3.04.2007, 8). 'Глаза мои раскрылись **очень широко** (т. е. 'шириной с Каму')';

2) *Насьта-пасьта, Кам пасьта!* – трудно переводимый каламбур, обозначающий неожиданное удивление типа: 'черт побери, черт возьми' (букв. 'Насьта-шириной с, шириной с Каму'):

*Нош со [Иван Марья] котькытчы нырзэ чуртна. Умой скалъёсты аслаз группаз каре. Завфермой эшио дурбасьтэ. Тани эшио пызь нуллэ на. Судить кароно. Визь мед пыроз. – Тон китйз кутйид-а, **Насьта-пасьта, Кам пасьта!** – ёс дорысен кеськиз Митя Кутявин* (Е. Загребин. Секыт адзён, 94). 'А она [Марья Ивановна] всюду сует свой нос. Лучших коров забирает в свою группу. Завфермой потворствует ей. К тому же еще и муку уносит. Судить ее надо. Пусть образумится. – А ты за руку схватила, **черт побери!** – с порога крикнул Митя Кутявин';

3) *кыл вылын Кам вамен потыны* 'наобещать в три короба' (букв. 'на словах через Каму переправиться'):

*Пекла апай со, Раялэн анаез. Гуртын со кыллы укыр шаплы маке, адямиос шуэмъя, **кыл вылаз Кам вамен но потоз***

(Г. Красильников. Тонэн кылысько, 15). 'Тетка Фекла это, мать Раи. В деревне она самая бойкая на язык, как говорят люди, **наобещает с три короба** (букв. 'на словах и через Каму переправится');

4) *кылын Кам со пала поттыны* 'наобещать невыполнимое' (букв. 'языком переправить на тот берег Камы');

– *Нылмурт – солдат?! Хо-хо, вераськиськод, Прохор, кылыныд Кам со пала паромтэк поттод...* – *гудыртэм кадь куараен серектйзы юзмёс пёлын* (С. Самсонов. Выжыкыл өвёл та, 5). '– Девушка – солдат? Хо-хо, скажешь, Прохор, **языком своим** и без парома **на тот берег Камы переправишь...** – громоподобным голосом засмеялись среди пьяных';

5) *кошкем Кам шуp берен уг берытскы* 'что было, то быльём поросло' (букв. 'утекшая река Кама обратно не возвращается');

– *Ортчез понна уг бёрдо, шуод-а, мар-а, кошким Кам шуp берен уг берытскы* ни уга, *Пётр Васильевич. Конечно, дыр ортчезъя бездоно, италмаслэн но бездон дырыз вань* (М. Лямин. Шудбур понна 2, 56). '– О прошедшем не плачут, так что ли скажешь, ведь что прошло, то быльём поросло (букв. 'ведь **утекшая река Кама обратно не возвращается**'), Пётр Васильевич. Конечно, со временем все блекнет, и у цветка италмас наступает время поблекнуть';

6) *Кам съёрын пельтэм венен скал сюре* 'там, вдалеке, все лучше, чем здесь' (букв. 'за Камой за иголку без ушка можно корову достать');

Нош Жакылы солэн [ёужмуртэзлэн] верамез киноысь адзем кадь гинэ потйз; алдаськы, пе, алдаськы, кемалась дырыз дауре шорысь шуллиямтэ, дыр: Кам съёрын, пе, пельтэм венен скал сюре; ойдо ми асьме музъем выламы ик чидаломы – калык чида ук (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь,

147). 'А для Жакы его [дяди по матери] рассказы показались лишь как увиденное в кино; ври, мол, ври, ведь издавна не зря, наверно, сказано: **за Камой-де за иголку без ушка можно корову достать**; да ладно, уж мы на своей земле вытерпим, народ ведь выдерживает'.

И т. д.

11.2. Слово *кам/Кам* в сочетании с иными корнями

служит для образования целого ряда новых сложных слов. Лишь в самом последнем словаре [УРС 2008] зафиксирован десяток таких композит, к примеру: **камдурбадьну** (букв. 'ива с камского берега') 'краснотал', **камкочо** 'чайка сизая' (букв. 'камская сорока'), **камкурег** (букв. 'камская курица') 'чайка', 'перепелка', 'куропатка', **кампиу** (букв. 'камская осина') 'осокорь, черный тополь', **камтютё** 'речная крачка', **камчабак** 'подлещик', **камчучо** 'кулик-сорока' и др.

Вот некоторые примеры: *Тракторезлэн нош куараез бен! Быдэс ёросэз вырзытэ, сизьымдон но сизьым гудыриос огазеяськиллям кожалод, музъем зурка, шур кузя кам бадьёс йылэ каръяськем съод куакаос но соосын валче чанаос быдэс инбамез пилемен шобыртэм кадь лобало, татчыозь тылобурдоосыд йёспёртэм гудырилы ноказыы но дышыса уг вуо на* (Е. Самсонов. Выль юрт, 345–346). 'А ведь грохот от трактора! Всю округу поднимает на дыбы, будто семьдесят и семь громов объединились, земля содрогается, гнездившиеся на **красноталах** грачи и вместе с ними галки разлетались, будто тучами покрывая все небо, эти птицы до сих пор никак еще не могут привыкнуть к странному грому'. <...>**Камкурегъёс** (чайкаос) *гинэ дырын-дырын асьсэлы кельишсьтэм куараен малы ке черекъяны кутскыло* (Г. Грязев. Кирень куректон, 87). 'Одни лишь **чайки** (букв. 'камские (или речные?) курицы') временами начинают кричать голосами, для себя не свойственными'.

11.3. Если в создании фразеологических конструкций

слово *Кам* участвовало скорее как название реки, то сложно судить, в какой ипостаси выступало слово *кам* при образовании таких композит подчинительного типа, как *кампину* и пр. (см. выше) – в деривационном отношении это то ли 'речная (водная) осина' (от *кам* 'река'), то ли все же 'камская осина' (от *Кам* 'Кама'). Оба варианта, как мне кажется, в равной степени допустимы.

В любом случае, невозможно безоговорочно принять положение В. И. Лыткина: "Объяснение происхождения названия *Кама* от удм. *кам* 'река', данное в "Этимологическом словаре" Фасмера (речь, разумеется идет об «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера. – В. К.), нас не удовлетворяет, так как это слово в удмуртском языке, является изолированным, не образующим гнезда<...>" [Лыткин 1971: 256]. С таким утверждением в свете вышеприведенных фактов трудно согласиться: нарицательное слово *кам*, как можно заметить, оказалось вполне включенным в деривационную парадигматику удмуртского языка и посему достаточно древним, чтобы стать исходной формой для потагонима *Кама* (а не наоборот).

12. В произведениях удмуртских писателей

Тӧдӧы Кам / Белая Кама и как великая река северо-востока Европейской части России, и как ее поэтический образ, выступает в качестве своеобразного символа Удмуртского края, что нашло особенно яркое выражение в одном из лучших стихотворений Д. А. Яшина «Чагыр Дунай но Тӧдӧы Кам» ('Голубой Дунай и Белая Кама'), известное читателям не только на языке оригинала, но и в прекрасном переводе О. А. Поскребышева на русский язык:

Чагыр Дунай но Тӧдӧы Кам

*Уйвӧтъёсам но адӟыли куддыр,
Мон со сярись ялан малтай-тунай.*

*Малы-о тусбуйдэ шуо чагыр,
Пёртэм кунъёс пыртй бызисъ Дунай?*

*Трос калыкез адзид ас даурад,
Монэ, юн оскисько, уд кары мурт:
Ведь мон куно сямен лыктй дорад,
Лыктй – Кам шаерын вордскем удмурт.*

*Вуи, учки шорад но жеч валай:
Тыныд инбам кузьмам чагыр туссэ,
Озьы ик, кызьы лымыё Урал
Тодьы Камлы сётэм ас тусбуйзэ.*

*Дано Чагыр Дунай но Тодьы Кам,
Од адзылэ ке но огдэс огды,
Вадьсысьтыды пильмаськисьтэм инбам –
Со ведь тйляд сайкыт синучконды.*

*Калык лушкем малпа яке шара,
Инбам тусбуй – сыће ик синучкон:
Кыће мылкыд ворме – со жеч вера,
Йыркур яке ог-огедлы оскон.*

*Мед весь азылань ширтоз улон-додьы,
Дунне медаз луы огыр-бугыр!
Тодьы Каммы котьку медло тодьы,
Чагыр Дунай котьку медло чагыр!
(Д. Яшин. Мынам сюлмаськонэ, 42–43)*

Голубой Дунай и Белая Кама

’На валуны с шипеньем набегаая,
Вода им холодит крутые лбы.
– Скажи, Дунай, – спросил я у Дуная, –
Ты почему зовешься голубым?

В твоих волнах гудит былого эхо.
Ты с недругами был суров и крут.
А я к тебе как друг и гость приехал.
Я – с дальней камской стороны удмурт.

Гляжу на синее твое плесканье
И вижу: ты свой цвет у неба взял.
Вот также подарил и Белой Каме
Свой цвет седой, заснеженный Урал.

Ты, голубой, не видел Белой Камы,
Её вода с твоею не слилась.
Но голубые небеса над вами –
Не общее ли зеркало у вас?

В нем вся земля с ее земной судьбою.
С добром и злобой в мяслях и делах.
Не зря оно – то сине-голубое,
То красное, то черное, как прах.

Хочу, чтоб мир был занят мирным делом
И солнце плавало из края в край.
Пусть вечно будет наша **Кама Белой**,
Пусть вечно будет **голубым Дунай**'.

(О. Поскрёбышев. Когда перевожу стихи друзей, 393–394.)

И, как залог вечности и дружбы двух родственных народов – венгров и удмуртов, – веками населявших/населяющих побережье своих великих рек, звучит название хрестоматии «Дунай тулкымъёс – Кам ярдурин» ('Дунайские волны на берегах Камы') с творениями классиков венгерской литературы (XIII–XX вв.) и их переводов на удмуртский язык (1997), заголовок, ассоциативно обыгранный и с рекой Кам/Кама и со стихотворением Д. А. Яшина.

13. Вместо заключения

Ответ на тот вопрос, который был поставлен в названии данного исследования («Белая Кама впрямь ли белая?»), был уже дан выше, здесь же следует лишь резюмировать: в зависимости от подхода к нему – с позиций современности

или исторического контекста – он может быть как отрицательным, так и положительным:

1) если речь идет о сегодняшней Кама – большой реке в северном Предуралье Европейской части Российской Федерации, то в составном ее удмуртском наименовании *Төдды Кам* 'Белая Кама' компонент *төдды* 'белый' (т. е. 'чистый, прозрачный') является лишь поэтическим ее эпитетом, ибо она (Кама), будучи равнинной рекой "с грунтовым питанием" [Никонов 2018: 170], едва ли может иметь "белую" (прозрачную) воду, а "«белоцветные» названия [рек] объясняются чаще всего цветом воды" [Супруненко, Супруненко 2004: 80];

2) в исторической же ретроспекции, когда древнепермские и древнеудмуртские (ананьинские, пьяноборские мазунинские) племена, обитавшие в VIII в. до н. э. – VII в. н. э. в бассейне реки Белой, которая питалась преимущественно водой от таяния ледников и снегов Уральских гор и посему имела более чистую, прозрачную воду, нежели иные равнинные реки с грунтовым питанием, название *Төдды Кам* 'Белая Кама' (< 'белая река') относительно реки Белой вполне себя оправдывало. Ведь недаром же это название впоследствии было скалькировано пришлыми тюркскими племенами (преимущественно предками башкир) как (башк.) *Агизел* ~ (тат.) *Агидел* ('белая река'), от них оно перешло и в русский язык – р. *Белая* (в более ранних документах *Белая Воложка*).

Сами же древние удмурты, под натиском пришлых тюркских племен вынужденные передвинуться на запад, название *Төдды Кам*, первоначально относившееся к реке *Белой*, перенесли, как память о своей былой исторической (пра)родине, на другую реку – *Каму*, до того именуемую ими *Будзим Кам* 'Великая Кама' (< 'великая река').

14. Некоторые специфичные буквы практического письма на иных языках и символы транскрипции (на основе кириллицы и латиницы)

14.1. Удмуртский язык

14.1.1. Отдельные памятники ранней удмуртской письменности (на кириллице):

ō – гласный среднего ряда среднего подъема (обычно соответствует ö или ö°)

iȯ – буква ё (в первых книгах на удмуртском языке 1847 г.)

Јл – анлаутный (в публикациях Б. Гаврилова – и инлаутный) палатальный согласный ђ' (= d') в памятниках удмуртской письменности конца XIX – начала XX в.

‘ – разделительный твердый знак (в письменных памятниках конца 10-х – начала 30-х гг. XX в.)

жс – палатальный ž или з' (в некоторых памятниках удмуртской письменности конца XIX в. – в “гавриловской” графике)

лжс – звонкая палатальная аффриката ž (в некоторых памятниках удмуртской письменности конца XIX в.)

л – палатальный согласный л (= л') (в некоторых памятниках удмуртской письменности конца XIX в. – в “гавриловской” графике)

лђ – палатальный согласный л (= л') (в некоторых памятниках удмуртской письменности конца XIX в. – в “гавриловской” графике)

н – заднеязычный носовой сонант (иногда также: ъ) (в конце XIX – начале XX в.)

с – палатальный согласный с (= с') (в некоторых памятниках удмуртской письменности конца XIX в. – в “гавриловской” графике)

m̥ – палатальный согласный *m* (= *m*^ʰ) (в некоторых памятниках удмуртской письменности конца XIX в. – в “гавриловской” графике)

14.1.2. Буквы и символы в транскрипции на кириллической основе, употребляемые в диалектных формах:

ä – неогубленный гласный нижнего подъема передне(средне-)го ряда

ö^o – огубленный гласный среднего подъема (передне-)среднего ряда (удм. диал.)

ÿ – удм. диал. (1) огубленный гласный верхнего подъема передне-среднего ряда (= *i*);

ÿ – неслоговое *y* (удм. диал.)

õ – неогубленный гласный верхне-среднего подъема, средне-заднего ряда – слегка отодвинутый назад *ы* (= *î* в транскрипции на латинской графической основе) (удм. диал.)

õ – неогубленный гласный среднего подъема заднего ряда – отодвинутый назад *ы* (= *ê* – в транскрипции на латинской графической основе) (удм. диал.)

ŋ – заднеязычный носовой сонант (см. также: *h*)

14.1.3.1. В публикациях Б. Мункачи [Munkácsi 1884; 1887; 1896; 1952]:

ä – широкий (открытый) *э* в конце (а иногда и в середине) слова

ï – огубленный гласный среднего подъема передне-среднего ряда [Munkácsi 1884; 1887; 1896] (= *ö* в современной транскрипции на латинской графической основе)

ê – неогубленный гласный среднего подъема (средне-) заднего ряда [Munkácsi 1884; 1887; 1896] (= *õ* в современной транскрипции на кириллице и *ê* – на латинице)

ž – звонкая палатальная аффриката *ž* [Munkácsi 1884; 1887; 1896] (= *ž* в современной транскрипции на латинице)

ž – велярная аффриката *ж*

č – глухая палатальная аффриката *ч* [Munkácsi 1884; 1887; 1896]

ö – огубленный гласный ряда среднего подъема передне-среднего ряда [Munkácsi 1952] (= ö)

ę – неогубленный гласный среднего подъема заднего ряда [Munkácsi 1952] (= ь в современной транскрипции на кириллице)

14.1.3.2. В публикации Т. Г. Аминоффа [Aminoff 1886]:

õ – неогубленный гласный среднего подъема заднего ряда

ő – огубленный гласный среднего ряда среднего подъема

14.1.3.3. В публикации Ю. Вихманна [Wichmann 1893; 1901]:

ǎ – огубленный вариант гласного *a*

ĩ – неогубленный гласный верхнего подъема среднего ряда (= ы в удмуртском литературном языке и современной транскрипции на кириллице)

î (= ѓ) – неогубленный редуцированный гласный среднего подъема средне-заднего ряда

ε – открытый вариант гласного *e* (= э), встречаемый в ауслаутной позиции в слове

ö – огубленный гласный среднего подъема среднего ряда (= ö в современной транскрипции на кириллице)

ö̇ – открытый гласный ö (у Ю. Вихманна)

ȳ – неслоговое *y* (= ŷ в транскрипции на кириллице)

и – огубленный гласный верхнего подъема передне-среднего ряда (= ŷ в современной транскрипции на кириллице, *ı* – в транскрипции Р. Лаха; и др.)

ц – нелоговой вариант *и*

đ' – палатальный *д'*

' – гортанный смычный согласный, обозначаемый в сочетании с буквой, обозначающим тот согласный, на месте которого он комбинаторно появляется (напр.: *đ'*, *t'* и др.)

*t'*š – согласный *ч*

ĩš – согласный *ч̣*

ĩ – полугласный вариант согласного *j* (*ı*)

14.1.3.4. В публикации Ф. Й. Видеманна [Wiedemann 1880 и др.]:

у – гласный *ы* (у Видеманна и в Evang. 1863: 62)

14.1.3.5. В публикации Р. Лаха [Lach 1926]:

ä – широкий (открытый) э в конце (а иногда и в середине) слова

ï – огубленный гласный верхнего подъема (передне-)среднего ряда (= *ü* в современной транскрипции на кириллице)

14.2. В других языках и финно-угорских реконструкциях

ä – слегка продвинутый вперед а (хант.);

ā – долгое *ä* (см.) (манс.)

á – долгое открытое а (венг.)

у – огубленный гласный верхнего подъема переднего ряда (фин.)

ä – неогубленный гласный переднего ряда нижнего подъема (фин., марГ.

ü – огубленный гласный верхнего подъема переднего ряда (мар.) (ср. фин. у, венг. *ü*);

ó – долгий гласный о (венг.)

ö – огубленный гласный переднего ряда среднего подъема (венг., мар.)

ő – долгий *ö* (венг. – см.)

ï – огубленный переднего ряда верхнего подъема (венг.; ср. мр. *ÿ*, тат. *ÿ*, фин. *y*)

ï – (в.) огубленный гласный верхнего подъема переднего ряда, долгий (венг.)

ú – огубленный гласный заднего ряда верхнего подъема, долгий

ө – огубленный гласный переднего ряда среднего подъема, редуцированный (тат.)

ə – неогубленный гласный переднего ряда среднего подъема, редуцированный (тат.)

з – межзубный звонкий сонант (башк.)

з – гласный неопределенного качества (в финно-угорских реконструкциях)

ɜ – неопределенный гласный заднего ряда (в финно-угорских реконструкциях)

ḡ – неопределенный гласный переднего ряда (в финно-угорских реконструкциях)

о: – знак идентификации неточной (ошибочной) записи в ранних документах или в записях соответствующего автора.

15. УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а) я з ы к о в:

алб. – албанский; **алт.** – алтайский; **башк.** – башкирский; **др.-инд.** – древнеиндийский; **кит.** – китайский; **манс.** – мансийский; **перс.** – персидский; **рус.** – русский (см. *русск.*); **русск.** – русский язык (см. *рус.*); **тат.** – татарский (см. *татар.*); **удм.** – удмуртский; **удм. лит.** – удмуртский литературный; **фин.** – финский; **ф.-уг.** – финно-угорский праязык (см. *фуг.*); **фуг.** – финно-угорский праязык (см. *ф.-уг.*); **хант.** – хантыйский; **церсл.** – церковно-славянский;

б) диалектов и говоров удмуртского языка:
глаз. – глазовский (по: Еванг. Глаз. 1847; Wichmann 1987);

диал. – диалект, диалектное;

елаб. – елабужский (по: Ислентьев ВРС (кон. XIX в.); Munkácsi 1896; Яковлев 1919; Wichmann 1987) – см. также: *Jel.*;

каз. – казанский (один из южных диалектов удмуртского языка; в публикациях XIX в. соответствует современным кукморскому и шошминскому говорам) (по: Munkácsi 1896; Яковлев 1919; Csúcs 1990) – см. также *Kaz.*;

кукм. – кукморский;

малм. – малмыжский (по: Munkácsi 1896; Wichmann 1987);

м.-урж. – малмыжско-уржумский (по: Ислентьев ВРС (кон. XIX в.); Wichmann 1987);

сар. – сарапульский (по: Еванг. Сар. 1847; Munkácsi 1896; Wichmann 1987);

шошм. – шошминский;

юж. – южные говоры (по: Борисов 1932) – см. также: *южн.*;

южн. – южные говоры – см. также: *юж.*;

Jel. – елабужский диалект (по: Munkácsi 1896);

в) п р о ч и е:

нов. – новое слово. новая форма; **устар.** – устаревшее слово, устаревшая форма.

16. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Архинов Т. А. Лудзи шур дурын: Роман. 2-тй люкетэз. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1957. – 370 б.

Атаманов 1988 – *Атаманов М. Г.* Удмуртская ономастика. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 168 с.

Атаманов 1997 – *Атаманов М. Г.* История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 248 с.

Атаманов 1997а – *Атаманов М. Г.* Азыкыл // Гришкина М. В., Корепанов К. И. Даурьёс пыр: Вашкала-вашкала удмуртьёс сярысь очеркьёс / Зуч кылысь берыктйзы П. П. Кубашев но П. К. Поздеев; Азыкылыз М. Г. Атамановлэн. – Ижевск: Удмуртия, 1997а. – 5–8-тй б.

Атаманов-Эграпи 2005 – *Атаманов-Эграпи М. Г.* Песни и сказы ушедших эпох = Эгра кырза, Эгра вера. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 248 с.

Атаманов-Эграпи 2015 – *Атаманов-Эграпи М. Г.* Язык Земли Удмуртской: историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского региона = Удмурт музейлэн аснимьёсыз: Волгаен Урал ёросвыльёсысь интынимьёслэсь пуштроссэс эскерись кыллюкам. – Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2015. – 916 с.

Бадретдинов У. Ш. Ёушъял вордйське веньёстэк: Повестьёс, веросьёс, пьесаос. – Ижевск: Удмуртия, 2007. – 248 б.

Белоногов Н. Е. Азёло но берло: Повестьёс но веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 256 б.

Библия 1988 – Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: Юбилейное издание, посвящ. тысячелетию Крещения Руси / Изд. Московской Патриархии. – М., 1988. – 1371 + 5 с.

Библия 2013 – Библия: [удмурт кылын] / Библияз берыктонъя Институт; [берыктйз Михаил Атаманов]. – Хельсинки: Библияз берыктонъя институт. – Ижкар, 2013. – 1696 б. – удмурт кылын.

Боднарский 1954 – *Боднарский М. С.* Словарь географических названий. – М., 1954. – 368 с.

Борисов 1929 – Борисов Т. К. Песни южных вотяков. – Ижевск: Удкнига, 1929. – 102 с.

Борисов 1932 – *Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам: Удмуртско-русский толковый словарь. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1932. – XXII + 374 с. (= выльысен поттэмез: *Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь: Около 15 тыс. слов / 2-е, стереотипное изд. // АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ; Удмурт. отделение Всесоюзного фонда культуры. – Ижевск, 1991. – 384 с.)

БСЭ 11 1973 – Большая Советская энциклопедия. (В 30-ти т.) / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. – М.: «Советская энциклопедия», 1973. – 608 с.

БЭС I 1991 – Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 1. – 863 с.

Ванюшев 1988 – *Ванюшев В.* Об общности литератур Поволжья и Приуралья // Побратимы: Произведения писателей автономных республик Урала и Поволжья / Составитель В. И. Емельянов. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – С. 3–10.

Васильев Ф. И. Кылбуръёс / Люказ, поттыны дасяз, азыкыл, валэктонъёс гожтйз Алексей Ермолаев. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 848 б.

Верещагин 2006 – Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за выпуск и авт. предисл., комментариев Л. М. Ившин. – Ижевск, 2006. – 288 с. – (Памятники культуры).

Вершинина, Владыкина 2014 – *Вершинина Е. Б., Владыкина Т. Г.* Песни южных удмуртов. Вып. 3 / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2014. 384 с. (Удмуртский фольклор).

Владыкин В. Марлы кырза тюрагай = Отчего поет тюрагай. – Стихи, притчи, афоризмы. – Ижевск: Удмуртия 1980. – 148 с.

Возняков 2017 – *Возняков В. Б.* Введение в этимологию: Монография. – Ижевск: Удмуртия, 2017. – 288 с.

Выль сйзён 1997 – Выль сйзён / Библиез берыктонъя Институт. – Стокгольм – Хельсинки, 1997. – 773 б. + 3 мутус суредьёс.

Гаврилов И. Г. Люкам сочинениос: Куинь томен. 1. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 496 б.

Гавриловъ 1880 – Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Записаны, переведены и изложены *Борисомъ Гавриловымъ* во время командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній. – Казань, 1880. – 189 с.

Ганькова 2015 – Кырзалэ, кырзась эшъёсы! Такмакъёс, визьмо верам кылъёс но ме́кытъяньёс. Люказ-радъяз *Л. Л. Ганькова*. – Ижевск: Удмуртия, 2015. – 416 б.

Гарипова 1984 – *Гарипова Ф. Г.* Татарстан гидронимнары сүзлеге. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1984. – 224 б.

Грязев Г. Кирень куректон: Очеркъёс, повестьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 280 б.

Дауръёс пыр 1997 – *Гришкина М. В., Корепанов К. И.* Дауръёс пыр: Вашкала-вашкала удмуртъёс сярысь очеркъёс / Ыуч кылысь берыктйзы П. Н. Кубашев, П. К. Поздеев; Азыкылыз М. Г. Атамановлэн. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 192 б.

Денисов А. Мынам пленйсь пегъеме. – Казань, 1919. – 23 б.

ДТС 1969 – Древнетюркский словарь / Редакторы В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак; АН СССР. Ин-т языкознания. – Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1969. – 676 с.

Еванг. Глаз. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. Евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань, напечатанъ въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. – 138 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). – С. 13–386.].

Еванг. Сар. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. Евангелиста Матѳея на русскомъ и вотятскомъ языкахъ,

Сарапульскаго нарѣчія. – Казань, 1847. – 234 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). – С. 11–248.].

Еванг. 1877 – Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѳея. Милям Господь Иисус Христослэн чѣн Евангеліез. Матѳей гожтэм Евангеліе: Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества. – Казань, 1877. – 82 с.

Еванг. 1882 – Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѳея на вотяцкомъ языкѣ. Милям Господьмы Иисус Христослэн Дзэць йыворез, Матѳей гожтем Дзэць йывор уд морт кылын. – Гельсингфорсъ, 1882. – 92 (+ 1) с.

Еванг. 1904 – Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Маѳтѳея, Марка, Луки и Іоанна на вотскомъ языкѣ / Изданіе Британскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества. – Казань: Типографія В. М. Ключникова, 1912. – 327 с.

Еванг. 1912 – Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна на вотскомъ языкѣ. – Казань: Центральная типографія, 1912. – 327 с.

Жинг. удм. к. 1960 – Жингырты, удмурт кырѣан!: Нотаосын кырѣан сборник / Дасяз П. К. Поздеев. История, экономика, литература но кылья удмурт научно-исследовательской институт. Литература но фольклорья сектор. – Ижевск: Удмурт кн. изд-во, 1960. – 395 б.

Загребин Е. Е. Секыт адѣон: Повесть, веросьес. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – 256 б.

Задорнов М. Н. Слава Роду! Этимология русской жизни. – М.: Центрполиграф, 2018. – 255 с.

Зорин И. А. Мон тонэ гажай. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – 111 б.

Љеч ивор 1992 – Љеч ивор. – Стокгольм – Хельсинки: Библиез берыктонья Институт, 1992. – 275 б.

Иез. – Книга пророка Иезекииля.

Исх. – Исход.

Кедров Ф. Г. Бырьем произведениос. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – 207 б.

Кенеш – литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей Удмуртской Республики.

Кириллова 1992 – *Кириллова Л. Е.* Микротопонимия бассейна Валы (в типологическом освещении) / РАН. УрО. Удм. ин-т ист., яз. и лит. – Ижевск, 1992. – 320 с.

Кириллова 2006 – *Кириллова Л. Е.* Река Кама в трудах исследователей // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Международного симпозиума (30–31 марта 2006 г., Пермь) / Отв. ред. Л. Г. Пономарева; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – С. 50–55.

Клабуков А. Н. Адями огназ ѓвёл: Кылбуръёс, веросьёс, пьесаос. – Ижевск: Удмуртия, 1974. – 112 б.

Комаров А. Е. Юриськем музьем: Повестьёс, веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – 248 б.

Комлев, Черных 1984 – *Комлев А. М., Черных Е. А.* Реки Пермской области: Режим, ресурсы, прогнозы, проблемы. – Пермь, 1984. – 214 с.

Коновалов М. А. Гаян: Роман. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. – 230 б.

Корнилов 1972 – *Корнилов Г. Е.* О некотолрыъ терминах на территории Украины и Поволжья, связанных с названием камня // СФУ. – 1972. – 1 (VIII). – С. 65–68.

Красильников Г. Д. Тонэн кылысько. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1960. – 278 б.

Кривошекова-Гантманн 1973 – *Кривошекова-Гантманн А. С.* Откуда эти названия? – Пермь: Пермское кн. изд-во, 1973. – 109 с.

Кривошекова-Гантманн 1983 – *Кривошекова-Гантманн А. С.* Географические названия Верхнего Прикамья: С кратким топонимическим словарем – Пермь: Пермское кн. изд-во, 1983. – 175 с.

Кривошекова-Гантманн 2006 – *Кривошекова-Гантманн А. С.* Кама. Мый эта лоё? // Труды Ин-та яз., ист. и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Пермский гос. пед. ун-т. – Вып. 4: А. С. Кривошекова-Гантман. Собрание сочинений в 2-х т. – Т. 2: Ономастика. – Пермь, 2006. – С. 18–19.

Кривошекова-Гантманн 2006а – *Кривошекова-Гантманн А. С.* Краткий топонимический словарь // Труды Ин-та яз., ист. и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Пермский гос. пед. ун-т. – Вып. 4: А. С. Кривошекова-Гантман. Собрание сочинений в 2-х т. – Т. 2: Ономастика. – Пермь, 2006а. – С. 144–192.

Кубашев П. Н. Габи Ладёк: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1981. – 132 б.

КЭСК 1970 – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка / АН СССР. Ин-т языкозн.; Коми филиал. – М.: Наука, 1970. – 386 с.

Леонтьев А. К. Улом али: Кылбуръёс. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – 256 б.

Лыткин 1971 – *Лыткин В. И.* Этноним коми и гидроним Кама // Этнография имен. – М.: Главная редакция вост. лит. изд-ва «Наука», 1971. – С. 254–258.

Лямин М. А. Шудбур понна: Повесть: 1-тй книга / Кыкетй издание, тупатъямын. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1961. – 220 б.

Лямин М. А. Шудбур понна: Повесть: 2-тй книга. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. – 263 б.

Майоров Д. А. Быръем произведениосыз / Удм. АССР-ыс СНК-лэн История, кылъя, литература но фольклоръя удмуртской научно-исследовательской институтэз. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1939. – 164 б.

Майоров Д. А. Быръем произведениосыз. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1950. – 111 б.

Матвеев А. Выжы ке юн, писпу но йён // Кенеш. – 2014. – 4-тй №. – 36–59-тй б.

Матвеев 1976 – *Матвеев А. К.* Нёройки караулят Урал: Путешествие в топонимию. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во. 1976. – 216 с.

Матвеев 2008 – *Матвеев А. К.* Географические названия Урала: Топонимический словарь. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2008. – 352 с.

Миллеръ 1791 – Описание живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то Черемись, Чувашъ и Вотяковъ<...> сочиненное Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ, Императорской

Академіи Наукъ Профессоромъ, по возвращеніи его въ 1743 году изъ Камчатской Экспедиціи. – Въ Санктпетербургѣ. Иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ. 1791 года (По репринтному изданию: *Hamburger Sibirische und Finnougrische Materialien* Hamburg, 2005). – (7) + 99 с.

Мурзаев 1974 – *Мурзаев Э. М.* Очерки топонимики. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.

Мурзаев 1984 – *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.

Мф. – От Матфея святое благовествование (Евангелие от Матфея).

Нав. – Книга Иисуса Навина.

Никонов 1966 – *Никонов А. В.* Краткий топонимический словарь. – М.: Мысль, 1966. – 509 с.

Никонов 2018 – *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. – 512 с.

Нуриева 1995 – *Нуриева И. М.* Песни завятских удмуртов / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1995. – Вып. 1. – 232 с.: ил. (Удмуртский фольклор).

Нуриева 2004 – *Нуриева И. М.* Песни завятских удмуртов / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2004. – Вып. 2. – 332 с.: ил. (Удмуртский фольклор).

Островскій 1873 – *Островскій Д.* Вотяки Казанской губерніи // Труды Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. – Т. IV, № 1. – Казань, 1873. – С. 3–48.

Палласъ 1788 – Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства. – СПб., 1788. – Ч. III, пол. 2.

Палласъ 1790–1791 – *Палласъ П. С.* Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій по азбучному порядку расположенный. Т. I–IV. – СПб., 1790–1791.

Парандовский 1990 – *Парандовский Я.* Алхимия слова. Пет-парка. Корень жизни: Пер. с польского. / Сост. и вступ. ст. С. Бэлы; Ил. П. Сацкого. – М.: Правда, 1990. – 656 с.

Перевозчиков А. А. Донды батыр, солэн пиосыз но Уйпери сярсыс кузьмадѣс-кырзан. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – 328 б.

Петров М. П. Вуж Мултан = Люкам сочинениос. 5-тй томез: Вуж Мултан. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – 368 б.

Поспелов 2001 – *Поспелов Е. М.* Географические названия мира: Топонимический словарь: Около 5000 единиц. / Отв. ред. Р. А. Агеева. – 2-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ». 2001. – 512 с.

Пс. – Псалтирь.

Пчеловодова, Анисимов 2017 – *Пчеловодова И. В., Анисимова Н. В.* Песни южных удмуртов. – Ижевск-Тарту, 2017. – Вып. 4. – 376 с. (Удмуртский фольклор).

Романов В. В. Покчи гужем: Кылбурьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – 84 б.

Сабитов Г. С. Арган кырза: Кылбурьёс но кырзанъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1971. – 101 б.

Сабитов Гай. Яратйсько: Кылбурьёс но кырзанъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – 175 б.

Самсонов Е. В. Арама кузя. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – 76 б.

Самсонов Е. В. Нырысетй гудыри: Нырысетй повесть / Самсонов Е. В. Лёльшур пальёс. – Ижевск: Удмуртия, 1986. – 5–186 б.

Самсонов Е. В. Выль юрт: Куинетй повесть / Самсонов Е. В. Лёльшур пальёс. – Ижевск: Удмуртия, 1986. – 305–364 б.

Самсонов Е. В. Тулыс чукна: Повесть, очеркъёс но веросьёс / Люказ но азыкылзэ гожтйз И. В. Тараканов. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 288 б.

Самсонов С. А. Кырзась мурт шудо: Очерк // *С. А. Самсонов.* Выжыкыл өвёл та: Повестьёс но веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1982. – 355–384-тй б.

Самсонов С. А. Кам вадьсын гудырья: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1969. – 168 б.

Самсонов С. А. Выжыкыл өвёл та: Повесть // *С. А. Самсонов.* Выжыкыл өвёл та: Повестьёс но веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1982. – 3–214-тй б.

Слав.-вот. сл. 1892 – Краткйй славяно-вотскйй словарь: Пособіе къ чтенію Церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта. – Казань, 1892. – 70 с.

Слав.-вот. сл. 1897 – Краткій славяно-вотскій словарь. Пособіе къ чтенію и пониманію церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта (опытъ). Для казанских вотяковъ. – Казань: Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества, 1897. – 86 с.

Супруненко, Супруненко 2004 – *Супруненко П. П., Супруненко Ю. П.* Топонимика: Популярная энциклопедия. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2004. – 480 с.

Титов А. А. Беромем гырлыос: Кылбуръёс, очеркъёс, рецензиос, тодэ ваёнъёс / Люкамеэ, азыкылыз но беркылыз В. М. Ивашкинлэн. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 136 б.

ТТДС 1969 – Татар теленен диалектологик сүзлеге / СССР Фәннәр Академиясе. Г. Ибраһимов исемендәге тел, әдәбиәт һәм тарих институты. – Казан: Татарстан китәп нәшрияты, 1969. – 643 б.

Туганаев В. В. Коля тодэ 50 будосэз, нош тон?...: Веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 40 б.

Тыло 1960... – Рукопись четырехстрочных песен, записанных автором данной работы в 1960-е годы XX века в д. Верхняя Юмья современного Кукморского района Республики Татарстан.

Уд. – общеудмуртская газета «Удмурт дунне».

Удморт кырзанъёс 1905 – Удморт кырзанъёс: Сборникъ бытовыхъ и нравственныхъ пѣсенъ. На вотскомъ языкѣ. – Казань: Типографія А. М. Петрова, 1905. – 24 с.

Удморт кырзанъёс 1919 – Удморт кырзанъёс: Сборникъ песен и стихотворений на вотскомъ языке. – Казань: Типо-литография Казанскаго Университета, 1919. – 36 с.

Укк. 1936 – Удмурт калык кырзан'ёс (ныльчур'ёс). Сборникъ дасяз М. Петров. / Удмурт соцкультураез научно-эскерон институт; отв. ред. Д. И. Корепанов. – Ижевск: Удгиз, 1936. – 176 б.

УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ; сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – 925 с.

Фасмер 2009 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русско-го языка. В 4 т. Т. 2: Е–Муж: более 4500 слов / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубаев. – 4-е изд., стер. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 671 с.

Чернов П. К. Тулысысен сйзылызь: Роман. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 384 б.

Черных I 1993 – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов.: Т. 1–2. – М.: Рус. яз., 1993. – Т. 1: А – Пантомима. – 623 с.

Чуракова 1986 – *Чуракова Р. А.* Удмуртские свадебные песни / НИИ при Сов. Мин. УАССР; Под редакцией д-ра искусствоведения, проф. Е. В. Гиппиуса. – Устинов: Удмуртия, 1986. 147 с.

Широбоков В. Мынам республикае. – Ижевск: Удм. кн. изд-во. 1960. – 152 б.

Шихарев С. Т. Тае ум вунэтэ. – Ижевск: Удмуртия, 1965. – 96 б.

Шкляев 2014 – *Шкляев А. Г.* Арысь аре. Удмурт литература даурлэн кожъёс: Статьяос, обзоръёс, диалогъёс, очеркъёс, портретъёс, рецензиос, тодэ ваёнъёс. – Ижевск: Удмуртия, 2014. – 304 б.

Яковлев 1919 – *Яковлев И. В.* Удмуртёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кылтёссэз валэктысь книга (Сравнительный словарь вотских наречий: 1. вотско-русский, 2. русско-вотский). – Казань, 1919. – 82 с.

Яшин Д. А. Мынам сюлмаськонэ: Кылбуръёс. – Ижевск: Удмуртия 1980. – 192 б.

Aminoff 1886 – *Aminoff T. G.* Wotjakilaisia kielinäytteitä // JSFOu. – (Helsinki) 1886. – 1. – S. 32–55.

Evang. 1863 – Das Ewangelium des Matthäus wotjakisch, mit Hülfe eines eingeborenen Wotjaken redigiert von F. J. Wiedemann, Mitglieder der Kaiserl. Akad. d. Wissenschaften in St. Petersburg. – London, 1863. – 112 S.

Lach 1926 – *Lach R.* Gesänge russischer Kriegsgefangener. I B. Finnisch-ugrische Völker. 1. Abteilung. Wotjakische, syrjänische und permjakische Gesänge. Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permjakischen von Dr. Raphael Fuchs. – Wien und Leipzig, 1926. – S. 1–99.

Munkácsi 1887 – *Munkácsi B.* Votják népköltészeti hagyományok. – Budapest, 1887. – 335 l.

Munkácsi 1896 – *Munkácsi B.* A votják nyelv szótára. – Budapest, 1896. – XVI + 758 l.

Munkácsi 1952 – *Munkácsi B.* Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhárd Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs. – Helsinki, 1952. – XXXVII + 715 S.

UEW 1988–1991 – *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988–1991.

UMSz. 2002 – *Kozmács I.* Udmurt-magyar szótár. – Szombathely: Savaria University Press, 2002. – 532 l.

Wichmann 1893 – *Wichmann Y.* Wotjakische Sprachproben. – Helsingfors, 1893. – I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. – XX + 200 S.

Wichmann 1901 – *Wichmann Y.* Wotjakische Sprachproben. II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. – Helsingfors, 1901. – IV + 200 S.

Wichmann 1987 – [*Wichmann Y.*] Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. – Helsinki, 1987 (LSFU). – XXIII + 421 S.

Wiedemann 1851 – *Wiedemann F. J.* Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. – Reval, 1851. – 390 S.

Wiedemann 1880 – *Wiedemann F. J.* Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deutschen Register. – St.-Petersburg, 1880. – XIV + 692 S.

АЗЬВЫЛ ПОТТЭМ УЖЬЁС * Предыдущие публикации

1. **В. К. Кельмаков.** Неизвестная страница истории удмуртского языкознания: Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева: Материалы к спецкурсу. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 1999. – 59 с.
2. **В. К. Кельмаков.** Удмурт кылосбурлэн кылдэмез: XVIII даур: Спецкурслы материалъёс. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 1999. – 60 б.
3. **А. Ф. Шutow.** Гипотаксис в удмуртском языке: Пособие для студентов по синтаксису. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 1999. – 101 с.
4. **В. К. Кельмаков.** Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте: Препринт / Удм. гос. ун-т. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2000. – 72 с.
5. **В. К. Кельмаков.** Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние: Препринт / Удм. гос. ун-т. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001. – 140 с.
6. **В. К. Кельмаков.** «Удмурт дунне»-лэн но Удмурт дуннелэн гожъяськоньсытызы лэчгтысь ужпумъёс: Азьпечатлос / Удмурт кун ун-т. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2003. – 98 б.
7. **В. К. Кельмаков.** Т. И. Тепляшина и современное удмуртское языкознание: Препринт / Удм. гос. ун-т. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2009. – 30 с.
8. **В. К. Кельмаков.** И. В. Тараканов и вопросы исторической фонетики удмуртского языка: Препринт / Удм. гос. ун-т. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2009. – 31 с.
9. **В. К. Кельмаков.** Удмурт кылын синонимъёс но синоним кыллюкамъёс: Азьпечатлос / Удмурт кун ун-т. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2009. – 90 б.
10. **В. К. Кельмаков.** Удмурт кылосбурлэн дырсюресысьтыз тодмотэм тодмо бамъёс: Азьпечатлос / Удмурт кун ун-т. Огъя и финн-угор кылдытонъя каф. – Ижкар: Удмурт университетлэн книгапоттонниез, 2016. – 136 б.
11. **В. К. Кельмаков.** Куд-ог юрттйсь кылъёс удмурт куэтьёсын: Азьпечатлос / Удмурт кун ун-т. Огъя но финн-угор кылдытонъя каф. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон центр, 2018. – 128 б.

Научное издание

Кельмаков Вале́й (Валенти́н) Кельмако́вич

Белая Кама впрямь ли белая?

(Удмуртские названия реки Камы
в письменных источниках)

Препринт

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
Подписано в печать 02.12.2019. Формат 60х84¹/₁₆.

Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 5,5.

Тираж 300 экз. Заказ № 2430.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4, каб. 207
тел./факс: 7(3412) 500-295. E-mail: editorial@udsu.ru

Типография
Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18